

Бертольд Брехт

Добрый человек из Сычуани

Пьеса-парабола

В сотрудничестве с Р. Берлау и М. Штеффин

Перевод Е. Ионовой и Ю. Юзовского

Стихи в переводе Бориса Слуцкого

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ван - водонос.

Три бога.

Шен Де.

Шой Да.

Ян Сун - безработный летчик.

Госпожа Ян - его мать.

Вдова Шин.

Семья из восьми человек.

Столяр Лин То.

Домовладелица Ми Дзю.

Полицейский.

Торговец коврами.

Его жена.

Старая проститутка.

Цирюльник Шу Фу.

Бонза.

Официант.

Безработный.

Прохожие в прологе.

Место действия: полувосточная столица Сычуани.

Провинция Сычуань, в которой были обобщены все места на земном шаре, где человек эксплуатирует человека, ныне к таким местам не принадлежит.

ПРОЛОГ

Улица в главном городе Сычуани. Вечер. Водонос Ван представляется публике.

Ван. Я здешний водонос - торгую водой в столице Сычуани. Тяжелое ремесло! Если воды мало, приходится далеко ходить за ней. А если ее много, заработок мал. И вообще в нашей провинции большая нищета. Все говорят, что если кто еще способен нам помочь, так это боги. И вот представьте себе мою радость, когда знакомый торговец скотом - он много разъезжает - сказал мне, что несколько виднейших наших богов уже находятся в пути и их можно ожидать в Сычуани с часу на час. Говорят, небо сильно обеспокоено множеством жалоб, которые к нему поступают. Уже третий день, как я дожидаюсь здесь у городских ворот, особенно под вечер, чтобы первым приветствовать гостей. Позднее вряд ли это мне удастся. Их окружают высокопоставленные господа, попробуй к ним тогда пробиться. Как бы их только узнать? Они появятся, наверно, не вместе. Скорее всего по одному, чтобы не слишком обращать на себя внимание. Вот эти не похожи на богов, они возвращаются с работы. (Внимательно смотрит на проходящих мимо рабочих.) Плечи у них согнулись от тяжести, которые они таскают. А этот? Какой же он бог - пальцы в чернилах. Самое большее служащий цементного завода. Даже те два господина...

Мимо проходят двое мужчин.

...и те, по-моему, - не боги. У них жестокое выражение лица, как у людей, привыкших бить, а богам нет в этом необходимости. А вот там трое! Как будто - другое дело. Упитанны, ни малейшего признака какого-либо занятия, башмаки в пыли, значит, пришли издалека. Они - они! О мудрейшие, располагайте мной! (Падает ниц.)

Первый бог (радостно). Нас здесь ждут?

Ван (дает им напиток). Уже давно. Но только я один знал о вашем прибытии.

Первый бог. Мы нуждаемся в ночлеге. Не знаешь ли ты, где бы нам пристроиться?

Ван. Где? Везде! Весь город в вашем распоряжении, о мудрейшие! Где пожелаете?

Боги многозначительно смотрят друг на друга.

Первый бог. Хотя бы в ближайшем доме, сын мой! Попытаемся в самом ближайшем!

Ван. Меня только смущает, что я навлеку на себя гнев власть имущих, если отдам особое предпочтение одному из них.

Первый бог. Потому-то мы и приказываем тебе: начни с ближайшего!

Ван. Там живет господин Фо! Подождите минутку. (Подбегает к дому и стучит в дверь.)

Дверь открывается, но видно, что Ван получает отказ.

(Робко возвращается.) Вот неудача! Господина Фо, как назло, нет дома, а слуги ни на что не решаются без его приказа, хозяин очень строг! Ну и взбесится же он, когда узнает, кого не приняли в его доме, неправда ли?

Боги (улыбаясь). Безусловно.

Ван. Еще минуту! Дом рядом принадлежит вдове Су. Она будет вне себя от радости. (Бежит к дому, но, видимо, снова получает отказ.) Я лучше справлюсь напротив. Вдова говорит, что у нее только одна маленькая комнатка, и та не в порядке. Сейчас же обращусь к господину Чену.

Второй бог. Нам хватит маленькой комнатки. Скажи, что мы ее займем.

Ван. Даже если она не прибрана, даже если в ней полно пауков?

Второй бог. Пустяки! Где пауки, там мало мух.

Третий бог (приветливо, Вану). Иди к господину Чену или еще куда-нибудь, сын мой, пауки, признаться, мне не по душе.

Ван снова стучится в какую-то дверь, и его впускают.

Голос из дома. Оставь нас в покое с богами! И так забот по горло!

Ван (возвращаясь к богам). Господин Чен в отчаянии, его дом полон родни, и он не осмеливается показаться вам на глаза, мудрейшие. Между нами, я думаю, среди них есть дурные люди, и он не хочет, чтоб вы их видели. Он страшится вашего гнева. В этом все дело.

Третий бог. Разве мы так страшны?

Ван. Только для недобрых людей, не правда ли? Известно же, что жителей провинции Кван десятилетиями постигает наводнение - кара божья!

Второй бог. Вот как? И почему же?

Ван. Да потому, что все они безбожники.

Второй бог. Вздор! Просто потому, что они не чинили плотину.

Первый бог. Тсс! (Вану). Ты все еще надеешься, сын мой?

Ван. Как можно даже спрашивать такое? Стоит пройти еще один дом, и я найду для вас жилье. Каждый пальчики себе облизывает в предвидении, что примет вас у себя. Неудачное стечение обстоятельств, понимаете? Бегу! (Медленно отходит и нерешительно останавливается посреди улицы.)

Второй бог. Что я говорил?

Третий бог. И все-таки, думаю, это простая случайность.

Второй бог. Случайность в Шуне, случайность в Кване и случайность в Сычуани. Страх божьего нет больше на земле - вот истина, которой вы боитесь смотреть в лицо. Признайте, что наша миссия потерпела фиаско!

Первый бог. Мы еще можем натолкнуться на доброго человека. В любую минуту. Мы не должны сразу отступить.

Третий бог. Постановление гласило: мир может оставаться таким, как он есть, если найдется достаточно людей, достойных звания человека. Водonos сам такой человек, если только я не обманываюсь. (Подходит к Вану, который все еще сует в нерешительности.)

Второй бог. Он обманывается. Когда водonos дал нам напиток из своей кружки, я

кое-что заметил. Вот кружка. (Показывает ее первому богу.)

Первый бог. Двойное дно.

Второй бог. Мошенник!

Первый бог. Ладно, он отпадает. Ну и что ж такого, если один с гнильцой? Мы встретим и таких, которые способны жить достойной человека жизнью. Мы обязаны найти! Вот уже два тысячелетия не прекращается вопль, так дальше продолжаться не может! Никто в этом мире не в состоянии быть добрым! Мы должны наконец указать на людей, которые могут следовать нашим заповедям.

Третий бог (Вану). Может быть, это очень затруднительно - найти пристанище?

Ван. Только не для вас! Помилуйте! Моя вина, что оно не сразу нашлось, - я плохо ищу.

Третий бог. Дело, безусловно, не в этом. (Возвращается обратно.)

Ван. Они уже догадываются. (К прохожему.) Высокочтимый господин, извините, что обращаюсь к вам, но три самых главных бога, о предстоящем прибытии которых в течение многих лет говорит весь Сычуань, теперь в самом деле прибыли и нуждаются в жилье. Не уходите! Убедитесь сами! Довольно одного взгляда! Ради бога, выручайте! На вашу долю выпал счастливый случай воспользуйтесь им! Предложите убежище богам, пока кто-нибудь не перехватил их, - они согласятся.

Прохожий продолжает свой путь.

(Обращается к другому прохожему.) Почтеннейший, вы слышали? Может быть, у вас есть квартира? Не обязательно - роскошные палаты. Главное, добрые намерения.

Второй прохожий. Откуда мне известно, что за боги твои боги? Кто знает, когопустишь. (Заходит в табачную лавку.)

Ван (бежит обратно к богам). Он наверняка согласится. (Замечает свою кружку на земле, растерянно смотрит на богов, поднимает ее и снова убегает.)

Первый бог. Это звучит не очень ободряюще.

Ван (прохожему, когда тот выходит из лавки). Ну, как же с жильем?

Второй прохожий. Почему ты знаешь, может быть, я сам живу в гостинице?

Первый бог. Он ничего не найдет. Сычуань нам тоже придется вычеркнуть.

Ван. Это три главных бога! Правда, правда! Статуи в храмах очень на них похожи. Если вы, не теряя времени, подойдете и пригласите их, возможно, они еще согласятся.

Второй прохожий (смеясь). Хороши же, должно быть, жулики, которых ты хочешь пристроить. (Уходит.)

Ван (бранится ему вслед). Кривой спекулянт! Бога ты не боишься! Будете жариться в кипящей смоле за свое бесчувствие! Боги плюют на вас! Но вы еще пожалеете! До четвертого колена будете расплачиваться! Весь Сычуань покрыли позором! (Пауза.) Теперь остается только проститутка Шен Де, эта ведь не может сказать - "нет". (Зовет.) Шен Де!

Из верхнего окна выглядывает Шен Де.

Они уже здесь, я не могу найти для них прибежища. Можешь ты принять их на одну ночь?

Шен Де. Боюсь, что нет, Ван. Я жду гостя. Но возможно ли, чтоб ты не нашел для них приюта?

Ван. Сейчас не время говорить об этом. Весь Сычуань - сплошная куча дерьма.

Шен Де. Мне пришлось бы спрятаться от него, когда он появится. Может быть, он тогда уйдет. Ему еще вздумалось прогуляться со мной.

Ван. Пока что мы поднялись бы наверх, а?

Шен Де. Только вы не должны громко разговаривать. Можно быть с ними откровенной?

Ван. Боже сохрани! Они ничего не должны знать о твоём ремесле. Нет, лучше уж мы подождем внизу. Но ты не уйдешь с ним?

Шен Де. Дела мои плохи, и, если я к завтрашнему утру не уплачу за квартиру, меня выкинут вон.

Ван. В такую минуту нехорошо быть расчетливой.

Шен Де. Не знаю. К сожалению, в желудке урчит и тогда, когда у императора день рождения. Ладно, я приму их.

Видно, что она гасит свет.

Первый бог. Похоже, что ничего не вышло.

Боги подходят к Вану.

Ван (увидя позади себя богов, вздрагивает). Квартира обеспечена. (Вытирает пот.)

Боги. Да? В таком случае пойдём.

Ван. Не торопитесь. Обождите немного. Комнату приводят в порядок.

Третий бог. Тогда мы присядем и подождём.

Ван. Кажется, здесь слишком большое движение. Лучше перейдем на ту сторону.

Второй бог. Мы с охотой присматриваемся к людям. Собственно, с этой целью мы сюда и прибыли.

Ван. Да, но здесь сквозняк.

Второй бог. О, мы закаленные люди.

Ван. Но, может быть, вы желаете, чтобы я показал вам ночной Сычуань? Не совершить ли нам маленькую прогулку?

Третий бог. Мы сегодня уже достаточно ходили. (Улыбаясь.) Но если ты хочешь, чтобы мы отсюда отошли, тебе достаточно только сказать нам.

Отходят подальше.

Теперь ты доволен?

Они садятся на крыльцо одного из домов.

Ван (опускается на землю на некотором расстоянии от них; собравшись с духом). Вы поселитесь у одинокой девушки. Она лучший человек в Сычуани.

Третий бог. Вот и хорошо!

Ван (публике). Когда я поднял кружку, они так странно посмотрели на меня. Неужели заметили? Я не смею больше взглянуть им в глаза.

Третий бог. Ты очень устал.

Ван. Чуть-чуть. От беготни.

Первый бог. Что, людям здесь очень тяжело живется?

Ван. Хорошим - да.

Первый бог (серьезно). Тебе тоже?

Ван. Я знаю, что вы имеете в виду. Я - нехороший. Но мне тоже нелегко.

Между тем перед домом Шен Де появился мужчина. Он несколько раз свистит, и Ван каждый раз вздрагивает.

Третий бог (тихо, Вану). Кажется, он не дождался и ушел.

Ван (растерянный). Да, да. (Встает и бежит на площадь, оставляя кувшин и кружку.)

В это время произошло следующее: мужчина, ожидавший на улице, ушел, и Шен Де, выйдя из дома и тихо позвав: "Ван", - идет по улице в поисках Вана. И

теперь, когда Ван тихо зовет: "Шен Де", - он не получает ответа.

Она обманула меня. Ушла, чтобы раздобыть денег на квартиру, и у меня нет ночлега для мудрейших. Они устали и ждут. Я не могу еще раз прийти к ним и сказать: ничего нет! Мой собственный дом - водосточная труба, о ней не может быть и речи. Кроме того, боги, безусловно, не захотят жить у человека, жульнические дела которого обнаружили. Я не вернусь к ним ни за что на свете. Но там осталась моя посуда. Что делать? Я не смею взять ее. Скорее я уйду из города и скроюсь с их глаз, потому что мне не удалось помочь тем, кому я поклоняюсь. (Убегает.)

Но едва он исчез, возвращается Шен Де, ищет его на другой стороне улицы и видит богов.

Шен Де. Это вы, мудрейшие? Меня зовут Шен Де. Я буду рада, если вы удовлетворитесь моей каморкой.

Третий бог. Но куда исчез водонос?

Шен Де. Вероятно, мы с ним разминувшись.

Первый бог. Он, должно быть, решил, что ты не придешь, и побоялся вернуться к нам.

Третий бог (поднимает кружку и кувшин). Мы оставим это у тебя. Они ему еще понадобятся.

Предводительствуемые Шен Де, боги идут в дом. Темнеет и снова светлеет. На рассвете боги выходят из дверей дома. Их ведет Шен Де, освещая путь лампой.

Они прощаются.

Первый бог. Милая Шен Де, спасибо за гостеприимство. Мы не забудем, что именно ты приютила нас. Верни водоносу его посуду и передай нашу благодарность за то, что он показал нам доброго человека.

Шен Де. Я не добрая. Сказать по правде, когда Ван обратился ко мне с просьбой дать вам пристанище, я заколебалась.

Первый бог. Колебание не беда, если его побороть. Знай, что ты подарила нам нечто большее, чем ночлег. У многих и даже у нас, богов, возникло сомнение - существуют ли еще на свете добрые люди. Для того чтоб это выяснить, мы и предприняли наше путешествие. Мы продолжаем его с радостью, потому что одного уже нашли. До свидания!

Шен Де. Остановитесь, мудрейшие, я совсем не уверена, что я добрая. Правда, я хотела бы быть такой, но как же тогда с платой за комнату? Признаюсь вам: чтобы жить, я продаю себя. Но даже этим путем я не могу просуществовать, слишком многим приходится делать то же самое. И вот я готова на все, но кто же не готов на все? Конечно, я охотно соблюдала бы заповеди - почитание старших и воздержание от лжи. Не пожелать дома ближнего своего - было бы для меня радостью, быть верной одному мужчине - приятно. Я не хотела бы также никого использовать и обижать беззащитного. Но как сделать это? Даже нарушая заповеди, еле удается прожить.

Первый бог. Все это, Шен Де, не что иное, как сомнения доброго человека.

Третий бог. Прощай, Шен Де! Передай сердечный привет водоносу. Он был нам добрым другом.

Второй бог. Боюсь, что ему пришлось туго.

Третий бог. Будь счастлива!

Первый бог. Главное, оставайся доброй, Шен Де! Прощай!

Поворачиваются, чтобы уйти, кивают ей на прощание.

Шен Де (испуганная). Но я не уверена в себе, мудрейшие! Как мне быть доброй, когда все так дорого?

Второй бог. Здесь мы, к сожалению, бессильны. В экономические вопросы мы не можем вмешиваться.

Третий бог. Стойте! Погодите минуту! Если бы у нее были кое-какие средства, ей, пожалуй, легче было бы оставаться доброй.

Второй бог. Мы не вправе ей ничего дать. Мы не сумеем там наверху объяснить это.

Первый бог. А почему бы нет?

Шепчутся, оживленно дискутируя.

(Шен Де, смущенно.) Мы слышали - тебе нечем заплатить за комнату. Мы люди не бедные и в состоянии отблагодарить за ночлег. Вот! (Дает ей деньги.) Только никому не говори, что мы тебе дали денег. А то, пожалуй, еще не так истолкуют.

Второй бог. Еще бы!

Третий бог. Нет, это дозволено. Мы ничего не нарушили, если рассчитались за ночлег. В постановлении об этом ничего не сказано. Итак, до свидания!

Боги быстро уходят.

I

Маленькая табачная лавка.

Лавка не совсем еще обставлена и не открыта.

Шен Де (публике). Вот уже три дня, как ушли боги. Они сказали, что платят мне за ночлег. Но когда я посмотрела, что они мне дали, то увидела больше тысячи серебряных

долларов. Я купила на эти деньги табачную лавочку. Вчера я переехала сюда и надеюсь, что сумею сделать много добра. Например, госпожа Шин, прежняя владелица лавки. Уже вчера она приходила просить у меня рису для своих детей. Вот и сегодня, я вижу, она идет через площадь со своим горшком.

Входит Шин. Женщины раскланиваются друг с другом.

Шен Де. Добрый день, госпожа Шин.

Шин. Добрый день, мадемуазель Шен Де. Как вы чувствуете себя в вашем новом доме?

Шен Де. Хорошо. Как ваши дети провели ночь?

Шин. В чужом-то доме! Если только можно назвать домом этот барак. Младший уже кашляет.

Шен Де. Плохо.

Шин. Вы не можете понять, что такое плохо, потому что вам хорошо живется. Но и вам придется кое-что испытать здесь, в этой лавчонке. Не забывайте - это квартал нищеты.

Шен Де. Да, но ведь в обеденный перерыв, как вы мне говорили, заходят рабочие цементного завода?

Шин. Кроме них, никто ничего не покупает, даже соседи.

Шен Де. Когда вы уступали мне лавку, вы не сказали об этом ни слова.

Шин. Не хватает только ваших упреков! Мало вам того, что вы лишили моих детей крова! А потом растреваете разговорами о лавчонке и нищенском квартале. Сколько можно!.. (Плачет.)

Шен Де (быстро). Я сейчас принесу вам рис.

Шин. Я хотела бы еще попросить займы немного денег.

Шен Де (между тем как она сыплет рис в горшок). Этого я не могу, я же ничего еще не выручила.

Шин. Мне нужны деньги. Чем жить? Вы отняли у меня все и еще хотите доконать. Я подброшу вам своих детей на порог, кровопийца! (Вырывает у Шен Де из рук горшок.)

Шен Де. Не сердитесь, рассыплет рис!

Входят пожилая пара и бедно одетый человек.

Женщина. Милая моя Шен Де, мы слышали, что тебе повезло. Ты стала деловой женщиной! Представь себе, мы без крыши над головой. Нашу табачную лавку пришлось закрыть. Мы и подумали, нельзя ли провести у тебя хотя бы одну ночь. Ты ведь помнишь моего племянника? Вот он, мы никогда не расстанемся.

Племянник (оглядывая помещение). Славная лавчонка!

Шин. Что это за люди?

Шен Де. Когда я приехала из деревни в город, это были мои первые квартирные хозяева. (Публике.) Когда гроши, которые были со мной, кончились, они выгнали меня на улицу. Они, вероятно, боятся, что я откажу им. Бедняги.

Они без приюта,

Без счастья, без доли.

Нужна им поддержка,

Как им откажешь?

(Приветливо, пришедшим.) Пожалуйста, пожалуйста! Я охотно приму вас. Правда, у меня всего-навсего крохотная комнатка позади лавки.

Мужчина. С нас хватит. Не беспокойся. (Между тем как Шен Де приносит чай.) Мы устроимся вот здесь, чтобы не мешать. Ты, должно быть, выбрала табачную торговлю в память о первом пристанище у нас? Мы смогли бы помочь тебе кое-какими советами. Потому-то и явились сюда.

Шин (насмешливо). Надо надеяться, что появятся еще и покупатели?

Женщина. Это она про нас?

Мужчина. Тсс! Вот и покупатель!

Входит оборванный человек.

Оборванный человек. Простите. Я безработный.

Шин смеется.

Шен Де. Чем могу служить?

Безработный. Я слышал, вы завтра открываете лавку, и подумал, что, когда распаковывают товар, бывает, что-нибудь портится. Не найдется ли у вас лишней сигареты?

Женщина. Это уже слишком - выпрашивать табак! Если бы еще хлеб!

Безработный. Хлеб дорог. Две-три затяжки - и я другой человек. Я так устал.

Шен Де (дает ему сигареты). Это очень важно - стать другим человеком. Будьте же моим первым покупателем. Вы принесете мне счастье.

Безработный быстро закуривает и, кашляя, уходит.

Женщина. Правильно ли ты поступила, милая Шен Де?

Шин. Если вы будете так торговать, то в три дня проторгуетесь.

Мужчина. Бьюсь об заклад - у него в кармане были деньги.

Шен Де. Но он сказал, что у него ничего нет.

Племянник. Откуда вы знаете, что он не солгал?

Шен Де (с возмущением). Откуда я знаю, что он солгал?

Женщина (покачивая головой). Она не умеет сказать "нет"! Ты слишком добра, Шен Де. Если хочешь сохранить лавку, научись отказывать, когда к тебе обращаются.

Мужчина. Скажи, что она не твоя. Скажи, что она принадлежит твоему родственнику, который требует у тебя отчета. Разве это трудно сказать?

Шин. Совсем нетрудно, если бы не страсть разыгрывать из себя благодетельницу.

Шен Де (смеется). Ругайтесь, ругайтесь! Вот я возьму да откажу вам в жилье и рис тоже заберу обратно!

Женщина (испуганно). Как, и рис тоже твой?

Шен Де (публике).

Они - плохие.

Они никого не любят.

Они никому не пожелают полной тарелки.

Они знают только себя.

Кто их осудит за это?

Входит человек маленького роста.

Шин (видит его и спешит уйти). Завтра загляну опять. (Уходит.)

Маленький человек (кричит ей вслед). Постойте, госпожа Шин! Вы-то мне и нужны!

Женщина. Почему она сюда приходит? У нее есть права на тебя, что ли?

Шен Де. Прав нет, но есть голод, это больше.

Маленький человек. Она знает, почему спешит унести ноги. Вы новая владелица лавки? Уже разложили товар по полкам! Предупреждаю, как вас там, они не ваши! Пока не уплатите за них! Дрянь, которая здесь сидела, не рассчиталась со мной. (Остальным.) Я ведь столяр.

Шен Де. Разве полки не принадлежат к обстановке, за которую я заплатила?

Столяр. Обман! Кругом обман! Вы, конечно, заодно с этой Шин! Я требую свои сто серебряных долларов, не будь я Лин То.

Шен Де. Как же я уплачу, если у меня нет больше денег?

Столяр. Тогда я продам их с аукциона! Сию же минуту! Либо вы платите, либо я их продаю!

Мужчина (подсказывает Шен Де). Родственник!

Шен Де. Нельзя ли подождать до следующего месяца?

Столяр (кричит). Нет!

Шен Де. Не будьте жестоки, господин Лин То. Я не в состоянии со всеми сразу рассчитаться. (Публике.)

Немного снисхождения - удваиваются силы.

Вот ломовая лошадь нагнулась за травой.

Смотрите на это сквозь пальцы

Она лучше потянет телегу.

Немного терпенья в июне - и твое дерево
В августе согнется под тяжестью персиков.
Разве можно жить вместе без снисхождения?
Маленькая отсрочка
Помогает великой цели.

(Столяру.) Будьте снисходительны, господин Лин То!

Столяр. А кто будет снисходителен ко мне и моей семье? (Отодвигает одну из полок от стены, словно хочет унести с собой.) Деньги, или я уношу полки!

Женщина. Милая Шен Де, почему бы тебе не поручить это дело своему родственнику?
(Столяру.) Напишите счет, и двоюродный брат Шен Де заплатит.

Столяр. Знаем мы этих двоюродных братьев!

Племянник. Что ты смеешься, как дурак! Я знаю его лично.

Мужчина. Это не человек, это - нож!

Столяр. Хорошо, пусть ему передадут мой счет. (Опрокидывает полку, садится на нее и пишет счет.)

Женщина. Он стащит с тебя последнюю рубаху, если его не остановить. Отвергай притязания, справедливы они или нет, потому что у тебя отбоя не будет от притязаний, справедливых или нет. Брось кусок мяса в бочку с мусором, и собаки всего квартала перегрызутся у тебя во дворе. Зачем-нибудь да существуют суды?

Шен Де. Он работал и вправе получить за свой труд. И у него семья. Обидно, что я не могу заплатить! Что скажут боги?

Мужчина. Ты выполнила свой долг уже тем, что приютила нас, это более чем достаточно.

Входят хромой человек и беременная женщина.

Хромой (мужу и жене). Так вот вы где! Миленькие родственнички, нечего сказать! Бросить нас на углу улицы, красиво!

Женщина (смущенно, Шен Де). Это мой брат Вун и невестка. (Обоим.) Не бранитесь и садитесь спокойно в уголок, чтобы не мешать Шен Де, нашему старому другу. (Шен Де.) Я думаю, придется оставить обоих, - невестка уже на пятом месяце. Или ты другого мнения?

Шен Де. Пожалуйста!

Женщина. Благодарите. Чашки стоят вон там. (Шен Де.) Эти вообще бы не знали, куда деваться. Какое счастье, что у тебя есть лавка!

Шен Де (улыбаясь, несет чай. Публике). Да, счастье, что у меня есть лавка!

Входит домовладелица Ми Дзю с бумагой в руке.

Домовладелица. Мадемуазель Шен Де, я владелица дома, госпожа Ми Дзю. Надеюсь, мы будем ладить друг с другом. Вот договор о найме. (Между тем как Шен Де читает договор.) Чудесное мгновение - открытие маленького торгового дела, вы согласны, господа? (Осматривается кругом.) На полках еще, правда, пусто, но ничего, обойдется. Вы, конечно, сможете представить мне несколько рекомендаций?

Шен Де. Разве это необходимо?

Домовладелица. Но я совсем не знаю вас.

Мужчина. А если мы поручимся за Шен Де? Мы знаем ее с тех пор, как она приехала в город, и готовы в любую минуту ручаться за нее головой.

Домовладелица. А вы кто такой?

Мужчина. Торговец табаком, Ма Фу.

Домовладелица. Где ваша лавка?

Мужчина. В данный момент у меня нет лавки. Видите ли, я ее как раз только что продал.

Домовладелица. Так. (Шен Де.) Больше некому дать о вас сведения?

Женщина (подсказывает). Двоюродный брат! Двоюродный брат!

Домовладелица. Должен же у вас быть кто-нибудь, кто поручится за того, кого я впускаю в дом. Это почтенный дом, моя милая. Иначе я не могу позволить себе заключить с

вами договор.

Шен Де (медленно, опустив глаза). У меня есть двоюродный брат.

Домовладелица. Ах, у вас есть двоюродный брат? Здесь в городе? Так давайте пойдем прямо к нему. Чем он занимается?

Шен Де. Он живет не здесь, а в другом городе.

Женщина. Ты, кажется, говорила - в Шуне?

Шен Де. Господин Шой Да. В Шуне!

Мужчина. Да, да, я отлично его знаю. Высокий такой, худощавый.

Племянник (столяру). Вы, кажется, тоже договаривались с двоюродным братом мадемуазель Шен Де? О полках!

Столяр (ворчливо). Как раз выписываю для него счет. Вот он! (Передает счет.) Завтра рано утром приду опять! (Уходит.)

Племянник (кричит ему вслед, косясь на домовладелицу). Можете не беспокоиться, двоюродный брат за все расплатится!

Домовладелица (пронизывая взглядом Шен Де). Ну что же! И я буду рада познакомиться с ним. Добрый вечер, мадемуазель. (Уходит.)

Женщина (после паузы). Теперь все откроется! Можешь быть уверена, уже завтра утром она узнает о тебе все.

Невестка (тихо, племяннику). Долго здесь не удержаться!

Входит старик, которого ведет мальчик.

Мальчик (через плечо). Они здесь.

Женщина. Здравствуй, дедушка. (Шен Де.) Добрый старик! Воображаю, как он беспокоился о нас. А мальчик, не правда ли, сильно вырос. Жрет за троих. Кого вы там еще привели?

Мужчина (выглянув наружу). Никого, кроме племянницы.

Женщина (Шен Де). Молоденькая, только-только из деревни. Надеюсь, это не обременит тебя? Когда ты жила с нами, нас еще не было так много, правда? Но нас становилось все больше. Чем хуже жилось, тем больше прибавлялось. И чем больше прибавлялось, тем хуже жилось. А теперь давайте запрем дверь на засов, него покоя не будет. (Запирает двери.)

Все садятся.

Главное - не мешать твоему делу. Иначе дым не поднимется над крышей этого дома. Надо установить порядок: днем младшие уходят, остаются только дедушка, невестка и, пожалуй, еще - я. Остальные заглядывают в течение дня самое большее раз-два, верно? Ну а сейчас зажгите-ка лампу и устраивайтесь поуютнее.

Племянник (юмористически). Только бы не ворвался сегодня ночью двоюродный брат, этот грозный господин Шой Да.

Невестка смеется.

Брат (тянется за сигаретой). Одна не имеет значения!

Мужчина. Никакого.

Все берут сигареты и закуривают. Брат передает по кругу кувшин с вином.

Племянник. Двоюродный брат заплатит!

Дедушка (серьезно, Шен Де). Добрый день!

Шен Де, смущенная этим запоздалым приветствием, кланяется. В одной руке она держит счет столяра, в другой - договор о найме.

Женщина. Спели бы вы что-нибудь, развлекли бы хозяйку!

Племянник. Дедушка начнет!

Они поют.

ПЕСНЯ О ДЫМЕ

Дедушка.

Покуда не стала вся голова седая,

Я думал, что разум пробиться мне поможет.

Теперь я уж знаю, что мудрость никакая
Голодный желудок наполнить не сможет.
И вот я говорю: забудь про все!
Взгляни на серый дым.
Все холоднее холода, к которым он уходит.
Вот так и ты пойдешь за ним,
Мужчина.
Три шкуры сдирают за честную работу.
Я поглядел и выбрал кривой, окольный
путь.
Но нашему брату и здесь не дали ходу.
Теперь я не знаю, куда мне свернуть.
И вот я говорю: забудь про все!
Взгляни на серый дым.
Все холоднее холода, к которым он уходит.
Вот так и ты пойдешь за ним.
Племянница.
Надежды - не для старых. Надеждам нужно
время.
Чтоб их создать сначала. Чтоб их разбить потом.
Для юных - двери настежь. Но мы - путями
всеми
Через любые двери - в Ничто пойдём.
И вот я говорю: забудь про все!
Взгляни на серый дым.
Все холоднее холода, к которым он уходит.
Вот так и ты пойдешь за ним.
Племянник (брату). Откуда у тебя вино?
Невестка. Он заложил мешок табаку.
Мужчина. Что? Этот табак был единственное, что у нас еще оставалось! Мы не
прикасались к нему даже для того, чтобы уплатить за ночлег! Свинья!
Брат. Ты называешь меня свиньей за то, что моей жене холодно? Ты же сам пил.
Сейчас же давай сюда кувшин!
Они дерутся. Полки с табаком падают.
Шен Де (умоляет их). О, пожалейте лавку, не ломайте ее! Это дар богов! Берите все,
что хотите, но не ломайте!
Женщина (скептически). Лавка меньше, чем я предполагала. Вряд ли следовало
рассказывать о ней нашей тете и другим. Если еще они припрутся, станет совсем тесно.
Невестка. Да и хозяйка как будто стала холоднее!
Снаружи раздаются голоса и стук в дверь.
Крики. Откройте! Это мы!
Женщина. Тетя, это ты? Ой, что делать?
Шен Де. Моя милая лавка! О моя надежда! Едва открылась - и уже не лавка. (Публике.)
Спасенья маленькая лодка
Тотчас же идет на дно
Ведь слишком много тонущих
Схватились жадно за борта.
Крики (снаружи). Откройте!
Интермедия под мостом.
У реки, скорчившись, сидит водонос.
Ван (оглядываясь кругом). Тишина кругом. Уже четвертый день, как я здесь
скрываюсь. Они меня не найдут, потому что я гляжу в оба. Я нарочно бежал в ту сторону,

куда они уходили. Вчера они перешли мост, я слышал их шаги над своей головой. Сейчас они должны быть уже далеко, я в безопасности. (Ложится и засыпает.)

Музыка. Насыпь делается прозрачной, и появляются боги.

(Закрывая лицо локтем, словно защищаясь от удара.) Не говорите ничего, я все знаю! Я не нашел никого, кто захотел бы приютить вас, ни одного дома! Теперь вам все известно! Идите же дальше.

Первый бог. Нет, ты нашел. Когда тебя не было, тот, кого ты нашел, явился. Он пустил нас к себе ночевать, он охранял наш сон и осветил лампой, когда мы уходили. Ты назвал его добрым человеком, и он оказался добрым.

Ван. Так это была Шен Де?

Третий бог. Конечно!

Ван. А я, маловвер, убежал! Только потому, что думал: она не может прийти. Не может прийти, потому что дела ее плохи.

Боги.

О слабый.

Добросердечный, но слабый человек!

С нуждою рядом - он доброты не видит.

Рядом с опасностью - не видит храбрых.

О слабость - ты к хорошему слепа!

О приговоры слишком скорые! Отчаянье,

Что слишком рано и легко приходит!

Ван. Мне очень стыдно, мудрейшие! Первый бог. Теперь, Ван, сделай нам одолжение, скорее возвращайся в столицу и найди добрую Шен Де, чтобы рассказать нам о ней. Ей теперь хорошо. Говорят, она достала денег на маленькую лавку и получила возможность следовать велению своего доброго сердца. Дай ей понять, что ты нуждаешься в ее помощи, ибо человек не может долго оставаться добрым, если от него не требуют доброты. Мы же отправимся дальше на поиски людей, которые походили бы на нашего доброго человека из Сычуани, дабы прекратить наконец разговоры о том, что добрые люди не находят себе места на земле.

Боги исчезают.

II

Табачная лавка.

Повсюду спящие люди. Лампа еще горит. Стучат.

Женщина (заспанная, поднимается). Шен Де! Стучат! Где она там?

Племянник. Вероятно, пошла за завтраком. Господин двоюродный брат заплатит!

Женщина смеется и, волоча ноги, идет к двери. Входит молодой человек, за ним столяр.

Молодой человек. Я двоюродный брат.

Женщина (в изумлении). Как? Кто вы?

Молодой человек. Меня зовут Шой Да.

Гости (поднимая один другого). Двоюродный брат! Да ведь это была шутка, у нее же нет никакого двоюродного брата! - Но вот пришел какой-то и заявляет, что он двоюродный брат! - Поразительно, в такую рань!

Племянник. Если вы двоюродный брат хозяйки, сударь, то раздобудьте нам поскорее завтрак!

Шой Да (гася лампу). Скоро придут первые покупатели, одевайтесь, живее, пожалуйста, - пора открывать мою лавку.

Мужчина. Вашу лавку? Я думаю, это лавка нашей приятельницы Шен Де?

Шой Да отрицательно качает головой.

Как, это не ее лавка?

Невестка. Здорово она надула нас. Да где же она пропадает?

Шой Да. Она задержалась. И просит вам передать, что, поскольку здесь я, она ничем

больше не может вам помочь.

Женщина (потрясенная). А мы считали ее добрым человеком!

Племянник. Не верьте ему! Надо ее найти.

Мужчина. Да, мы этим сейчас займемся. (Распоряжается.) Ты и ты, и ты, и ты, вы ищите ее повсюду. Мы с дедушкой остаемся здесь, охранять крепость. Мальчик за это время раздобудет что-нибудь поесть. (Мальчику.) Видишь там на углу булочную? Прoberись-ка туда и засунь побольше за пазуху.

Невестка. Не забудь захватить парочку маленьких светлых пирожков!

Мужчина. Только берегись булочника, чтоб он не поймал тебя. И смотри не наскочи на полицейского!

Мальчик кивает головой и уходит. Остальные кончают одеваться.

Шой Да. Боюсь, что кража дурно отразится на репутации заведения, где вы нашли приют.

Племянник. Не обращайтесь на него внимания. Мы ее сейчас найдем, и она как следует его проучит!

Племянник, брат, невестка и племянница уходят.

Невестка (на ходу). Оставьте нам что-нибудь от завтрака!

Шой Да (спокойно). Вы ее не найдете. Моя кузина, естественно, сожалеет, что не может бесконечно следовать закону гостеприимства. Увы, вас слишком много! Вы заняли табачную лавку, а она нужна мадемуазель Шен Де.

Мужчина. Наша Шен Де не смогла бы даже вымолвить что-нибудь подобное.

Шой Да. Возможно, вы и правы. (Столяру.) Вся беда в том, что нужда в этом городе слишком велика, чтобы ее одолел один человек. К сожалению, за последние одиннадцать столетий не произошло никаких изменений, с тех самых пор, как кто-то сочинил четверостишие:

- Что нужно, - губернатора спросили,

Чтоб те, кто мерзнет в городе, не мерзли?

- О, одеяло в десять тысяч футов

Накрыть предместья, - вот что он ответил.

(Начинает приводить лавку в порядок.)

Столяр. Я вижу, вы стараетесь уладить дела вашей кузины. Кстати, за ней маленький должок - хорошо бы его погасить - за полки. Он подтвержден свидетелями. Сто серебряных долларов.

Шой Да (вытаскивает из кармана счет, не без дружеской нотки). Не кажется ли вам, что сто серебряных долларов - это чересчур?

Столяр. Нет, не кажется. И я ничего не сбавлю. Мне нужно кормить жену и детей.

Шой Да (жестко). Сколько детей?

Столяр. Четверо.

Шой Да. Тогда я предлагаю вам двадцать серебряных долларов.

Мужчина смеется.

Столяр. Вы с ума сошли? Полки из орехового дерева!

Шой Да. Пожалуйста, забирайте их.

Столяр. Что это значит?

Шой Да. Они слишком дороги для меня. Прошу вас убрать отсюда полки из орехового дерева.

Женщина. Ловко он его отбрил! (Тоже смеется.)

Столяр (неуверенно). Я требую, чтобы пришла мадемуазель Шен Де. Она, по-видимому, порядочнее вас.

Шой Да. Безусловно. Она разорена.

Столяр (решительно берет одну из полок и несет к двери). Можете валить свой товар на пол! Мне наплевать!

Шой Да (мужчине). Помогите ему!

Мужчина (тоже хватается полки и, ухмыляясь, несет к выходу). И так, полки вон!
Столяр. Ты - собака! Что же, по-твоему, моя семья должна подыхать с голоду?
Шой Да. Я еще раз предлагаю вам двадцать серебряных долларов, и только потому, что не хочу класть свой товар на пол.

Столяр. Сто!

Шой Да равнодушно смотрит в окно. Мужчина снова берется за полки.

Не сломай по крайней мере о косяк, идиот! (В отчаянии.) Да, но они же сколочены по мерке! Они годятся только для этой дыры и больше никуда. Доски ведь разрезаны.

Шой Да. В том-то и дело. Поэтому я и даю вам только двадцать серебряных долларов. Поскольку доски разрезаны.

Женщина визжит от удовольствия.

Столяр (вдруг устало). Пропадай все пропадом! Берите полки и платите сколько хотите.

Шой Да. Двадцать серебряных долларов. (Кладет на стол две большие монеты.)

Столяр берет их.

Мужчина (неся полки обратно). Хватит за кучу порезанных досок!

Столяр. Да, хватит, чтобы напиться пьяным! (Уходит.)

Мужчина. Этого выпроводили!

Женщина (вытирая выступившие от смеха слезы). "Они из орехового дерева!" - "Забирайте их!" - "Сто серебряных долларов! У меня четверо детей!" - "Тогда я плачу двадцать". - "Но они разрезаны!" - "В том-то и дело! Двадцать серебряных долларов!" Вот как нужно обращаться с этими типами.

Шой Да. Да. (Серьезно.) А теперь - уходите.

Мужчина. Мы?

Шой Да. Да, вы. Вы воры и паразиты. Если вы уйдете сейчас же, не теряя времени на споры, вы еще можете спастись.

Мужчина. Лучше всего совсем не отвечать ему. Орать на пустой желудок не дело. Хотел бы я знать, куда девался мальчишка?

Шой Да. Да, куда девался мальчик? Я вас предупредил, что не хочу видеть его с краденными пирожками в своей лавке. (Вдруг кричит.) Уходите!

Они остаются на своих местах.

(Снова совершенно спокойно.) Как вам угодно. (Идет к двери и низко кланяется кому-то.)

В дверях появляется полицейский.

Полагаю, что вижу перед собой представителя власти, охраняющего этот квартал.

Полицейский. Совершенно верно, господин...

Шой Да. Шой Да.

Они улыбаются друг другу.

Приятная погода сегодня!

Полицейский. Пожалуй, несколько жарко.

Шой Да. Пожалуй, несколько жарко.

Мужчина (тихо, жене). Если он будет болтать, вернется мальчишка, и нас схватят. (Пробует тайно делать Шой Да знаки.)

Шой Да (не обращая внимания). Однако по-разному судят о погоде в прохладном помещении и на пыльной улице.

Полицейский. Очень даже! По-разному!

Женщина (мужу). Успокойся! Мальчик увидит в дверях полицейского и не зайдет.

Шой Да. Входите же. Здесь прохладнее. Моя кухня и я открыли лавку. Разрешите сказать вам, что мы придаем большое значение хорошим отношениям с начальством.

Полицейский (входит в помещение). Вы очень любезны, господин Шой Да. Да, здесь действительно прохладно.

Мужчина (тихо). Он нарочно ввел сюда полицейского, чтобы мальчик не увидел его

снаружи.

Шой Да. Гости! Как я слышал, дальнейшее знакомство Моей кухни. Они здесь проездом. Взаимное приветствие.

Мы как раз собирались распрощаться.

Мужчина (хрипло). Ну, мы пошли.

Шой Да. Я передам кухне, что вы благодарите ее за ночлег, но не имели времени ее дождаться.

С улицы доносятся шум и крики: "Держи вора!"

Полицейский. Что такое?

В дверях стоит мальчик. Из-за пазухи падают лепешки и пирожки. Женщина делает ему отчаянные знаки, чтобы он уходил. Он поворачивается и хочет уйти.

Эй, ты, стой! (Хватает его.) Откуда у тебя пирожки?

Мальчик. Вон оттуда.

Полицейский. Ага - кража?

Женщина. Мы ничего не знали. Мальчишка сделал это на свой риск и страх. Негодяй!

Полицейский. Господин Шой Да, не объясните ли вы, что здесь произошло?

Шой Да молчит.

Ага! Все пойдете со мной в участок.

Шой Да. Я вне себя, что у меня случилось нечто подобное.

Женщина. Он видел, как мальчик ушел.

Шой Да. Могу заверить вас, господин полицейский, что вряд ли я пригласил бы вас, если бы хотел скрыть преступление.

Полицейский. Само собой очевидно. Но вы понимаете, конечно, господин Шой Да, что мой долг - задержать этих людей.

Шой Да кланяется.

Вперед, марш! (Выгоняет их за дверь.)

Старик (на пороге, миролюбиво). До свиданья.

Все, кроме Шой Да, уходят. Он продолжает приводить помещение в порядок.

Входит домовладелица.

Домовладелица. Так вы, стало быть, и есть двоюродный брат! Как это понять - в моем доме арестовывают людей? Ваша кухня посмела устраивать здесь постоянный двор? Вот что получается, когда снисходишь к людям, которые еще вчера ютились в каморках и выпрашивали у булочника лепешки. Вы видите, я все знаю.

Шой Да. Вижу. Вам наговорили о моей кухне много плохого. Ее обвинили в том, что она голодала! В самом деле она жила в нищете. У нее самое дурное имя - она бедна.

Домовладелица. Она была самой обыкновенной...

Шой Да. Нищенкой. Произнесем это жестокое слово!

Домовладелица. Ах, пожалуйста, только без сентиментальностей! Я говорю о ее поведении, а не о доходах. Не сомневаюсь, что некоторые доходы все же были - иначе не было бы и лавки. Кое-какие пожилые мужчины позаботились. Откуда же взялась лавка? Сударь, это почтенный дом! Люди, которые платят здесь за квартиры, не желают жить под одной крышей с такой особой, да! (Пауза.) Я не изверг, но обязана принять это во внимание.

Шой Да (холодно). Госпожа Ми Дзю, я занят. Скажите мне прямо, во сколько обойдется нам жизнь в этом почтенном доме?

Домовладелица. Признаюсь, человек вы хладнокровный.

Шой Да (достаёт из-под прилавка договор на наем помещения). Плата очень высока. Я понимаю договор так, что плату нужно вносить ежемесячно.

Домовладелица (быстро). Но не людям, подобным вашей кухне.

Шой Да. Как вас понять?

Домовладелица. А так, что людям, подобным вашей кухне, полагается вносить сумму в двести серебряных долларов за полгода вперед.

Шой Да. Двести серебряных долларов! Но это же разбой! Где мне достать их? На

большой оборот я не могу здесь рассчитывать. Единственная надежда, что работницы, которые шьют на цементном заводе мешки, много курят - работа, как мне говорили, изнурительная. Но они мало зарабатывают.

Домовладелица. Об этом вы должны были раньше подумать.

Шой Да. Госпожа Ми Дзю, нельзя так жестоко. Верно - моя кухня допустила непростительную ошибку, приняв бездомных. Но она исправится, я позабочусь о том, чтоб она исправилась. С другой стороны, посудите сами, разве могли бы вы найти лучшего жильца, чем человек, который знает дно жизни, потому что сам оттуда? Он будет работать как проклятый, только бы вовремя уплатить вам, он все сделает, всем пожертвует, все продаст, ни перед чем не остановится и при этом будет вести себя тихо, как мышка, как мошка, во всем вам подчинится, лишь бы снова не вернуться туда. Да такой жилец дороже золота.

Домовладелица. Двести серебряных долларов вперед, или она пойдет на улицу, откуда пришла.

Входит полицейский.

Полицейский. Надеюсь, я вам не помешаю, господин Шой Да.

Домовладелица. Полиция действительно проявляет к этой лавке совершенно исключительное внимание.

Полицейский. Госпожа Ми Дзю, надеюсь, у вас не создалось ложного впечатления. Господин Шой Да оказал нам услугу, и я специально пришел, чтобы поблагодарить его от имени полиции.

Домовладелица. Ну, меня это не касается. Буду надеяться, господин Шой Да, что вашей кухне понравится мое предложение. Я привыкла жить в согласии со своими жильцами. До свидания, господа. (Уходит.)

Шой Да. До свидания, госпожа Ми Дзю.

Полицейский. У вас недоразумения с госпожой Ми Дзю?

Шой Да. Она требует уплаты арендной платы вперед, поскольку моя кухня не кажется ей достаточно уважаемой.

Полицейский. Разве у вас нет денег?

Шой Да молчит.

Такой человек, как вы, господин Шой Да, должен же, пользоваться кредитом?

Шой Да. Возможно. Но как получить кредит такому лицу, как Шен Де?

Полицейский. Разве вы не собираетесь оставаться здесь?

Шой Да. Нет. И не смогу вернуться обратно. Только проездом мне удалось протянуть ей руку помощи, лишь бы отвлечь худшее. Скоро она опять будет предоставлена самой себе, и я боюсь даже думать, что ее ждет.

Полицейский. Господин Шой Да, мне очень жаль, что у вас затруднения с платой за наем. Должен признаться, что сначала мы косились на эту лавку, но сегодня ваш решительный поступок рекомендует вас с лучшей стороны. Мы, представители власти, с первого взгляда замечаем, на кого можем рассчитывать как на оплот порядка.

Шой Да (горько). Господин полицейский, чтобы спасти эту маленькую лавку, которую моя кухня считает даром богов, я готов дойти до пределов дозволенного законом. Но жестокость и хитрость помогают только против низших, ибо границы проведены разумно. Я нахожусь в положении человека, который едва покончил с крысами, как ему преградила путь река. (После маленькой паузы.) Вы курите?

Полицейский (засовывая в карман две сигары). Нам, представителям власти, было бы очень жаль потерять вас, но вы должны понять также и госпожу Ми Дзю. Шен Де - и здесь мы не должны обманываться - жила за счет того, что продавала себя мужчинам. Вы можете мне возразить: что ей оставалось делать? Чем, к примеру, платить за квартиру? Но при всем том, согласитесь, - это не уважаемо. Почему? Первое: любовь не принято продавать, иначе это будет продажная любовь. Второе: уважаемо быть не с тем, кто платит, а с тем, кого любят. Третье: не за горсть риса, а по любви. Прекрасно, скажете вы мне, но что

стоит вся наша мудрость, если молоко уже пролито? Как ей быть? Она должна раздобыть плату за полгода. Господин Шой Да, признаюсь вам, - на этот вопрос я не нахожу ответа. (Напряженно думает.) Господин Шой Да. Есть! Найдите ей мужа!

Входит маленькая старушка.

Старушка. Пожалуйста, дешевую хорошую сигару для моего мужа. Завтра как раз сорок лет со дня нашей свадьбы и у нас маленькое торжество.

Шой Да (вежливо). Сорок лет - и все еще торжество!

Старушка. Насколько это в наших средствах! У нас небольшая торговля коврами - напротив. Надеюсь, мы будем дружными соседями. Это очень важно, особенно когда времена тяжелые.

Шой Да (предлагает ей разные ящички). Боюсь, времена иными не бывают.

Полицейский. Господин Шой Да, нам нужен капитал. Так вот, я предлагаю замужество.

Шой Да (извиняющимся тоном, старушке). Я поддался соблазну и позволил себе обременить господина полицейского своими частными заботами.

Полицейский. Мы не можем уплатить за полгода. Прекрасно, мы возьмем себе в мужья небольшой капиталец.

Шой Да. Это не так легко будет сделать.

Полицейский. Почему? Чем она не партия! Маленькая развивающаяся торговля! (Старушке.) Что вы думаете об этом?

Старушка (нерешительно). Да...

Полицейский. Объявление в газете.

Старушка (сдержанно). Если барышня согласна...

Полицейский. Как она может быть не согласна? Сейчас напишу. Услуга за услугу. Не думайте, что власти не сочувствуют мелким торговцам, которые ведут суровую борьбу за существование. Вы помогаете нам, а мы за это сочиним вам объявление о намерении вступить в брак. Ха-ха-ха! (Решительно извлекает записную книжку, слюнит огрызок карандаша и пишет.)

Шой Да (медленно). Неплохая мысль.

Полицейский. "Какой... приличный... мужчина с небольшим капиталом... не исключается вдовец... желает вступить в брак... расцветающую табачную торговлю?" И еще добавим: "Обладаю привлекательной симпатичной внешностью". Ну как?

Шой Да. Если вы полагаете, что это не будет преувеличением.

Старушка (приветливо). Что вы, что вы! Я ее видела.

Полицейский вырывает из книжки листок бумаги и передает Шой Да.

Шой Да. С ужасом я наблюдаю, сколько нужно удачливости, чтобы не попасть под колеса! Сколько ухищрений! Сколько друзей! (Полицейскому.) Несмотря на всю свою решимость, я не знал, как быть с платой за наем. И вот пришли вы и помогли разумным советом. И в самом деле, я, кажется, вижу выход.

III

Вечер в городском парке.

Молодой человек в потрепанной одежде провожает глазами самолет, по-видимому, летящий высоко над парком. Он достает из кармана веревку и оглядывается по сторонам. Когда он направляется к высокой иве, на дороге показываются две проститутки. Одна уже старая, другая - племянница из семьи, обосновавшейся у

Шен Де.

Молодая. Добрый вечер, миленький. Пойдешь со мной?

Сун. Не исключено, милые дамы, если вы дадите мне поесть.

Старая. Видно, рехнулся? (Молодой.) Пошли дальше. Зря потеряем время. Это же безработный летчик.

Молодая. Но в парке, наверно, уже никого не осталось, сейчас пойдет дождь.

Старая. Поглядим, авось кто-нибудь еще найдется.

Идут дальше. Осмотревшись по сторонам, Сун достает веревку и забрасывает на сук

дерева. Но ему опять помешали. Обе проститутки быстро возвращаются. Они не видят его.

Молодая. Ох и ливень будет.

На дороге появляется Шен Де.

Старая. Смотри, вот идет это чудовище! Она погубила тебя и твою родню.

Молодая. Не она. Ее двоюродный брат. Она пустила нас к себе, а потом предлагала заплатить за пирожки. Против нее я ничего не имею.

Старая. Зато я имею! (Громко.) Ах вот она, наша миленькая сестрица со своим золотым горшком! Мало ей лавки, она еще хочет перехватить у нас кавалеров.

Шен Де. Что ты на меня набросилась? Я иду в чайный домик у пруда.

Молодая. Говорят, ты выходишь замуж за вдовца с тремя детьми!

Шен Де. Да, я должна там встретиться с ним.

Сун (нетерпеливо). Уберетесь вы наконец, потаскухи! И здесь покоя от них нет!

Старая. Заткни глотку!

Обе проститутки уходят.

Сун (кричит им вслед). Стервятники! (Публике.) Даже в таком уединенном месте они рыщут в поисках своих жертв, даже в кустах, под дождем они норовят поймать своих покупателей.

Шен Де (сердито). Почему вы браните их? (Замечает веревку.) Ой!

Сун. Чего вытаращилась?

Шен Де. Зачем веревка?

Сун. Проходи, сестрица, проходи! У меня нет денег, даже медяка. Но, будь он у меня, я купил бы не тебя, а кружку воды.

Начинается дождь.

Шен Де. Зачем веревка? Вы не должны этого делать!

Сун. Тебе-то что? Убирайся!

Шен Де. Дождь.

Сун. Только попробуй стать под это дерево.

Шен Де (продолжает неподвижно стоять под дождем). Нет.

Сун. Отстань, говорю, напрасно стараешься. Со мной у тебя ничего не выйдет. Ко всему прочему, ты слишком некрасива. Кривые ноги.

Шен Де. Это неправда.

Сун. Не показывай! Черт с тобой, иди под дерево, раз дождь пошел.

Шен Де (медленно подходит и садится под деревом). Почему вы решились на это?

Сун. Хочешь знать? Ну, так я скажу, чтобы только отделаться от тебя. (Пауза.) Ты знаешь, что такое летчик?

Шен Де. Да, в чайном домике я видела летчиков.

Сун. Нет, ты не видела их. А если видела, то пустобрехов и дураков в кожаных колпаках, у которых нет слуха для мотора и чувств для машины. Попадает такой тип в ящик, потому что у него есть чем подмазать управляющего ангаром. Скажи такому: дай твоему ящику упасть с высоты двух тысяч футов сквозь облака, а потом поймай его одним нажимом рычага, и он ответит: этого нет в договоре. Кто не умеет посадить на землю самолет, точно это его собственный зад, тот не летчик, а болтун. А я летчик. И все-таки самый большой дурак на свете - это я сам, потому что я прочел в пекинской школе все книги о полетах. Одну лишь страницу одной только книги я не прочел, а на этой странице было написано, что летчики больше не нужны. Итак, я летчик без самолета, почтовый летчик без почты. Да что там - разве ты можешь понять.

Шен Де. Думаю, все-таки могу.

Сун. Нет, раз я говорю тебе, что ты не можешь понять, значит, не можешь.

Шен Де (смеясь и плача). В детстве у нас был журавль со сломанным крылом. Он был ласковый, терпеливо переносил наши шалости, важно шествовал с нами и только кричал, чтоб мы не перегоняли его. Но осенью и весной, когда над деревней тянулись большие стаи,

он терял покой, и я хорошо понимала его.

Сун. Не реви.

Шен Де. Нет.

Сун. Это портит цвет лица.

Шен Де. Я уже перестала. (Вытирает рукавом слезы.)

Сун (прислонясь к дереву, но не поворачиваясь к Шен Де, протягивает руку и трогает ее лицо). Ты даже не умеешь как следует вытереть лицо. (Вытирает ей лицо носовым платком. Пауза.) Раз ты пристаешь, чтоб я не повесился, открой же по крайней мере рот.

Шен Де. Что мне сказать?

Сун. Почему, собственно; ты вздумала вынуть меня из петли, сестра?

Шен Де. Я испугалась. Вы, наверно, пошли на это, потому что вечер такой хмурый. (Публике.)

В нашей стране

Не должно быть хмурых вечеров

И высоких мостов над рекой.

Опасен также предутренний час,

И вообще зимняя пора.

Дело в том, что бедняка

Может доконать любой пустяк.

И он отшвырнет от себя

Невыносимую жизнь.

Сун. Расскажи о себе.

Шен Де. О чем? У меня есть маленькая лавка.

Сун (насмешливо). Ну да? Ты ни за кем не охотишься, у тебя есть лавка!

Шен Де (решительно). У меня есть лавка, но прежде я была гулящей.

Сун. Лавку тебе, видно, подарили боги?

Шен Де. Да.

Сун. В один прекрасный вечер они появились и сказали: вот тебе деньги.

Шен Де (с тихим смехом). В одно прекрасное утро.

Сун. Нельзя сказать, чтобы с тобой было весело.

Шен Де (после паузы). Я умею немного играть на цитре и передразнивать людей. (Говорит низким голосом почтенного человека.) "Нет, как вам это нравится, я, кажется, забыл свой кошелек!" Но потом я получила лавку. Тогда я первым делом подарила цитру. Теперь, сказала я себе, я могу быть как истукан, теперь это не нужно!

Теперь я богачка - сказала я себе.

Хожу одна. И сплю одна.

Целый год, сказала я себе,

Не буду иметь дело с мужчинами.

Сун. Но сейчас ты выходишь замуж? За того, в чайном домике, на пруду.

Шен Де молчит.

А что ты, в сущности, знаешь о любви?

Шен Де. Все.

Сун. Ничего, сестра. Ты скажешь, что тебе было хорошо?

Шен Де. Нет.

Сун (не поворачиваясь, гладит ее по лицу). А так хорошо?

Шен Де. Да.

Сун. Я вижу, тебе не много надо. Ну что это за город!

Шен Де. У вас нет друзей?

Сун. Целая куча, но ни одного, у которого хватило бы терпения выслушать, что я все еще без работы. Они делают при этом такое лицо, словно им говорят, что в море еще осталась вода. А у тебя разве есть друг?

Шен Де (нерешительно). Двоюродный брат.

Сун. Тогда остерегайся его.

Шен Де. Он был здесь один-единственный раз. Теперь он ушел и никогда больше не вернется. Но почему такая безнадежность? Есть поговорка: говорить без надежды - значит говорить зло.

Сун. Ну, ну - дальше! Все-таки человеческий голос.

Шен Де (горячо). Как бы ни свирепствовала нужда, все же есть на свете отзывчивые люди. Когда я была маленькой, я упала однажды с вязанкой хвороста. Какой-то старик поднял меня и даже дал грошик. Я часто вспоминала об этом. Те, у кого мало еды, охотно делятся с другим. Вероятно, люди рады показать, на что они способны, но разве не лучшее из того, на что они способны, - доброта? Злоба - это просто отсутствие способностей. Кто поет песню, или строит машину, или сажает рис, тот доброжелательный. И вы тоже такой.

Сун. Я вижу, тебе не много надо.

Шен Де. Да. Теперь я почувствовала каплю дождя.

Сун. Где?

Шен Де. Между глаз.

Сун. Ближе к правому или левому?

Шен Де. К левому.

Сун. Хорошо. (Через некоторое время, сонным голосом.) А с мужчинами ты покончила?

Шен Де (улыбаясь). Но ноги у меня не кривые.

Сун. Быть может, и нет.

Шен Де. Наверняка нет.

Сун (устало прислонясь к дереву). Но так как я уже два дня ничего не ел и со вчерашнего дня не пил, сестра, то не смог бы любить тебя, даже если бы захотел.

Шен Де. Хорошо, когда идет дождь.

Появляется водонос Ван. Он поет
ПЕСНЮ ВОДОНОСА ВО ВРЕМЯ ДОЖДЯ

Гром гремит, и дождик льется,

Ну а я водой торгую,

А вода не продается

И не пьется ни в какую.

Я кричу: "Воды купите!"

Но никто не покупает.

В мой карман за эту воду

Ничего не попадает.

(Купите воды, собаки!)

Если б дождь не выпадал бы,

Если б он лет семь не лился,

Вот бы я с воды разжился:

Я по капле продавал бы!

- Дай воды! Воды скорее!

У ведра б толпа кричала.

Покупателя любого

Я бы оглядел сначала

А вдруг он мне не понравится?

(Глотка бы у вас повысохла, собаки!)

(Смеясь.)

Дождик брызгает все пуще.

Вы без денег воду пьете

И большое вымя тучи,

Не платя гроша, сосете.

Ну а я кричу, как прежде:

"Воду, воду покупайте!"

И никто не покупает...

(Купите воды, собаки!)

Дождь прекратился.

Шен Де (видит Вана и подбегает к нему). Ах, Ван, ты вернулся? Твоя посуда у меня.

Ван. Спасибо, что сохранила. Как поживаешь, Шен Де?

Шен Де. Хорошо. Я познакомилась с очень умным и смелым человеком. Я хотела бы купить у тебя кружку воды.

Ван. Запрокинь голову, и у тебя будет полон рот воды. Вон с той ивы все еще капает.

Шен Де. Но я хочу твоей воды, Ван.

Принесенной издалека

И замучившей тебя,

Продающейся так плохо,

Потому что идет дождь.

А мне она нужна для господина,

Что стоит вот там.

Он летчик, а летчик

Смелее других людей.

Вместе с облаками,

Вопреки ураганам,

Он летит сквозь небеса и приносит

Дружеские письма

Друзьям в далекой стране.

(Платит и бежит с кружкой к Суну; обернувшись к Вану, кричит смеясь.) Он уснул. Безднадежность, дождь и я - мы утомили его.

ИНТЕРМЕДИЯ

Место ночлега Вана - водосточная труба. Водонос спит. Музыка. Труба становится прозрачной, и спящему являются боги.

Ван (сияя). Я видел ее, мудрейшие! Совсем такая же, как прежде!

Первый бог. Это нас радует.

Ван. Она любит! Она показала мне своего друга. Ей действительно хорошо.

Первый бог. Приятно слышать. Надо надеяться, это укрепит ее стремление к добру.

Ван. О да! Она делает столько добра, сколько в ее силах,

Первый бог. Какие же ее добрые дела? Расскажи, милый Ван!

Ван. Для каждого она находит приветливое слово.

Первый бог (с любопытством). Ну, ну?

Ван. Редко человек уходит из ее маленькой лавки без табака потому лишь, что у него нет денег.

Первый бог. Это звучит неплохо. Еще что?

Ван. Она приютила у себя семью из восьми человек!

Первый бог (торжествуя, обращается ко второму). Из восьми человек! (Вану.) И быть может, это еще не все?

Ван. Она купила у меня кружку воды, несмотря на то, что шел дождь.

Первый бог. Все это в общем не больше чем мелкая благотворительность. Впрочем, это понятно.

Ван. Но благотворительность стоит денег. Доходы от маленькой лавки всего не покроют.

Первый бог. Конечно, конечно! Но хороший садовник творит чудеса даже на маленьком клочке земли.

Ван. Шен Де так и делает! Каждое утро она раздает рис, и это отнимает больше половины ее дохода. Можете мне поверить, мудрейшие.

Первый бог (слегка разочарованный). Я ничего и не говорю. И не могу сказать, чтоб я

был недоволен началом.

Ван. Примите во внимание - времена нелегкие! Ей уже пришлось однажды вызывать на помощь двоюродного брата, чтобы спасти свою лавчонку.

Едва нашелся укрытый от ветра угол,
Как со всего зимнего неба
Налетели крикливые птичьи стаи.
И дрались за место, и голодная лиса
Прокусила тонкую стенку,
И одноногий волк
Опрокинул маленькую миску с едой.

Короче говоря, ей самой было не справиться с делами. Но все согласны с тем, что она добрая девушка. Ее уже везде называют - "ангел предместий". Так много доброго исходит из ее лавки! Что бы там ни говорил столяр Лин То,

Первый бог. А что? Разве столяр Лин То плохо отзывается о ней?

Ван. Ах, он жалуется только, что полки в лавке не оплачены полностью.

Второй бог. Что ты говоришь? Не заплатили столяру? В лавке Шен Де? Как же она допустила?

Ван. Вероятно, у нее не хватило денег.

Второй бог. Это не ответ. Раз должна - плати! Надо избегать даже намека на непорядочность. Сперва блюди букву закона, а уж потом его дух.

Ван. Но в этом виноват двоюродный брат, мудрейшие, не она.

Второй бог. Тогда этот двоюродный брат не переступит больше ее порога!

Ван (подавленный). Понимаю, мудрейший. В оправдание Шен Де да позволено мне будет сказать, что двоюродный брат известен как весьма почтенный коммерсант. Даже полиция его ценит.

Первый бог. Мы и не собираемся осуждать господина двоюродного брата, прежде чем выслушаем его. Признаться, я плохо разбираюсь в коммерции, и, может быть, надо выяснить, что в коммерции принято и что нет. Ах, эта мне коммерция! Разве это обязательно? Все помешались на делах! Разве семь добрых королей занимались коммерцией? А праведный Кун торговал рыбой? Что общего у коммерции с достойной честной жизнью?

Второй бог (очень сердито). Так или иначе, это не должно повториться. (Поворачивается, чтобы идти.)

Оба других тоже собираются идти.

Третий бог (смущенно). Прости нашу резкость. Мы очень устали сегодня и не выспались. Ночлег! Богатые дают нам наилучшие рекомендации для бедных, но бедные не имеют достаточно жилья.

Боги (удаляясь, бранятся). Слаба даже лучшая из них. - Ну, что тут особенного. - Мало! Мало! Понятно, все это от чистого сердца, а толку-то чуть! Она должна была бы по меньшей мере...

Их голоса больше не слышны.

Ван (кричит им вслед). Не гневайтесь, мудрейшие! Не требуйте слишком многого для начала!

IV

Перед табачной лавкой Шен Де. Цирюльня, торговля коврами и табачная лавка Шен Де. Понедельник. У лавки Шен Де ждут остатки семьи из восьми человек: дедушка, невестка, а также

безработный и вдова Шин.

Невестка. Сегодня она не ночевала дома!

Шин. Неслыханно! Наконец-то убрался этот свирепый двоюродный братец, и время от времени она снисходит к нам и выделяет кое-что из своих запасов риса. И этого, изволите ли видеть, уже достаточно, чтоб пропадать целыми днями и шляться одним богам известно где!

В цирюльне слышные громкие голоса. Оттуда, спотыкаясь, выбегает Ван, за ним толстый цирюльник с тяжелыми щипцами для завивки волос в руках.

Господин Шу Фу. Я тебе покажу, как приставать к моим клиентам со своей вонючей водой! Бери свою кружку и убирайся прочь!

Ван хочет взять кружку, которую протягивает ему господин Шу Фу, тот ударяет его щипцами по руке так, что Ван громко вскрикивает.

Получай! Впредь будет тебе наука. (Пыхтя, возвращается в цирюльню.)

Безработный (поднимает кружку и протягивает ее Вану). За избиение можешь подать в суд.

Ван. Рука пропала.

Безработный. Что-нибудь сломано?

Ван. Я не могу двинуть ею.

Безработный. Садись и полей ее водой!

Ван садится.

Шин. Тебе-то вода ничего не стоит.

Невестка. Уже восемь утра, а тут лоскутка льняного не найдешь! Шашни где-то заводит. Позор!

Шин (мрачно). Она забыла о нас!

По улице идет Шен Де, неся горшок с рисом.

Шен Де (публике). Я никогда еще не видела города ранним утром. В эти часы я лежала всегда, накрытая с головой грязным одеялом, оттягивая ужас пробуждения. Сегодня я шла среди мальчишек-газетчиков, мужчин, поливающих водой асфальт, тележек со свежими овощами из деревень. Я прошла длинный путь от квартала Суна до своего дома, но с каждым шагом мне становилось веселей. Я всегда слыхала, что, когда любят, витают в облаках, но ведь самое чудесное, что идешь по земле, по асфальту. Поверьте мне, дома в ранние утренние часы похожи на зажженные костры из щебня, когда небо уже розовое, но еще прозрачное, потому что нет пыли. Поверьте мне, вы много теряете, если не любите и не видите города в час, когда он поднимается со своего ложа, как бодрый старик ремесленник, который вдыхает свежий воздух и берется за инструмент, как это воспевают поэты. (Ожидающим.) Доброе утро! Вот рис! (Раздает рис, потом видит Вана.) Доброе утро, Ван. Сегодня я беспечна. По пути я разглядывала себя в каждой витрине, и теперь мне хочется купить шаль. (Немного помедлив.) Мне так хочется выглядеть красивой. (Быстро входит в лавку, где продаются ковры.)

Господин Шу Фу (снова появляясь в дверях, публике). Я поражен, до чего прекрасна сегодня владелица табачной лавки мадемуазель Шен Де, которую я до сих пор совсем не замечал. Всего три минуты, как я видел ее, но чувствую, что уже влюблен. Удивительно симпатичная особа! (Вану.) А ты - прочь, негодяй! (Возвращается в цирюльню.)

Шен Де, очень пожилая супружеская пара - торговец коврами и его жена выходят из лавки. Шен Де несет шаль, торговец коврами - зеркало.

Старуха. Она очень нарядна и совсем недорого - в ней маленькая дырочка.

Шен Де (смотрит на шаль, которую держит старуха). Зеленая тоже нарядна.

Старуха (улыбаясь). Но, к сожалению, в ней нет изъяна.

Шен Де. Да, уж такая беда. Я со всей своей лавкой не могу позволить себе чего-нибудь получше. У меня еще мало доходов и уже столько расходов.

Старуха. Благотворительные дела. Зачем же столько? В первое время каждая чашка риса играет роль, скажете - нет?

Шен Де (примеряет бракованную шаль). Да, так уж водится, но сейчас я беспечна. Идет мне этот цвет?

Старуха. Об этом следует спросить мужчину.

Шен Де (поворачиваясь к старику). К лицу она мне?

Старик. Спросите не меня...

Шен Де (очень вежливо). Нет, я спрашиваю вас.

Старик (так же вежливо). Шаль идет вам. Только накиньте ее матовой стороной наружу.

Шен Де платит.

Старуха. Если она вам не понравится, вы всегда можете ее обменять. (Отводит Шен Де в сторону.) Есть у него кое-какие сбережения?

Шен Де (смеясь). О нет.

Старуха. Как же заплатить за помещение?

Шен Де. Плату! Совсем позабыла.

Старуха. Так я и думала! А в следующий понедельник уже первое. Мне бы нужно с вами кое о чем поговорить. Знаете, мой муж и я, после того как мы узнали вас, стали сомневаться насчет того брачного объявления - и решили в крайнем случае прийти вам на помощь. Мы кое-что отложили и смогли бы одолжить вам двести серебряных долларов. Хотите, отдадите нам в заклад ваши запасы табака. Письменное соглашение между нами, конечно, не обязательно.

Шен Де. Вы в самом деле хотите одолжить деньги такому легкомысленному человеку?

Старуха. Сказать откровенно, вашему двоюродному брату, который, конечно, не легкомыслен, мы, возможно, и не одолжили бы, вам же - со спокойной душой.

Старик (подходя к ним). Поладили?

Шен Де. Если бы боги слышали, что говорила ваша жена, господин Фен. Они ищут добрых людей, которые счастливы. А вы, должно быть, счастливы, помогая мне, я ведь попала в беду из-за любви.

Старики с улыбкой смотрят друг на друга.

Старуха. Вот деньги. (Передает Шен Де конверт.)

Шен Де берет его и кланяется. Старики тоже кланяются. Они идут обратно в свою лавку.

Шен Де (Вану, высоко поднимая конверт). Плата за полгода. Разве не чудо? А что ты скажешь о моей новой шали, Ван?

Ван. Ты купила ее ради того, кого я видел в городском парке?

Шен Де утвердительно кивает головой.

Шин. Лучше бы взглянули на его сломанную руку, чем болтать о своих сомнительных похождениях!

Шен Де (испуганно). Что с твоей рукой?

Шин. Цирюльник повредил ее щипцами на наших глазах.

Шен Де (ужасаясь своей невнимательности). А я ничего не заметила! Сейчас же иди к врачу, не то рука одеревенеет и ты никогда не сможешь как следует работать. Какое несчастье! Вставай скорее! Иди же, иди!

Безработный. Ему нужен не врач, а судья! Он вправе потребовать от богатого цирюльника вознаграждение за ущерб.

Ван. Ты думаешь, есть надежда?

Шин. Если только она сломана.

Ван. Кажется, да. Смотри, как распухла. Ты думаешь, дадут пожизненную пенсию?

Шин. Во всяком случае, тебе нужен свидетель.

Ван. Но вы же все видели! И можете подтвердить. (Оглядывается кругом.)

Безработный, дедушка, невестка сидят у стены дома и едят.

Никто не поднимает глаз.

Шен Де (Шин). Вы же сами видели!

Шин. Не хочу связываться с полицией.

Шен Де (невестке). Тогда вы!

Невестка. Я? Я не смотрела!

Шин. Как не смотрели? Я сама видела, что вы смотрели! Вы только боитесь, потому что у цирюльника - власть.

Шен Де (дедушке). Я уверена, что вы не откажетесь засвидетельствовать.

Невестка. На его показания не обратят внимания. Он выжил из ума.

Шен Де (безработному). Дело, возможно, идет о пожизненной пенсии.

Безработный. У меня уже два привода за попрошайничество. Мое показание скорее повредит ему.

Шен Де (недоверчиво). Выходит, никто из вас не решается сказать, что здесь было? Среди бела дня человеку перебили руку, все видели, и все молчат? (С гневом.)

О вы, несчастные!

Вашего брата оскорбляют, а вы закрываете глаза!

Застигнутый врасплох кричит, а вы молчите?

Насильник ходит меж вами и выбирает жертву,

А вы говорите:

Он пощадит нас,

Потому что мы покорны.

Что это за город? Что вы за люди?

Если городом правят несправедливо - он должен восстать.

А если он не восстает - пусть погибнет в огне

Еще до наступления ночи.

Ван, если тот, кто видел, - отказывается свидетельствовать, то я скажу, что видела я.

Шин. Лжесвидетельство.

Ван. Не знаю, вправе ли я это принять. Но, может быть, все-таки должен. (Смотрит на свою руку, озабоченно.) Как вы находите, она уже достаточно распухла? Мне кажется, опухоль уже спала?

Безработный (успокаивает его). Нет, опухоль ничуть не спала.

Ван. В самом деле? Пожалуй, она стала даже чуть больше. Видимо, все-таки сломан сустав. Лучше сразу побегу к судье! (Осторожно поддерживая руку, не сводя с нее глаз, быстро уходит.)

Шин бежит в цирюльню.

Безработный. Она помчалась к цирюльнику, чтобы подольститься к нему.

Невестка. Мы не можем изменить мир.

Шен Де (удрученная). Я не хотела вас обидеть. Я просто испугалась. Нет, хотела. Прочь с моих глаз!

Безработный, невестка и дедушка, надувшись, жуя, уходят.

(Публике.)

Они уже не отвечают.

Стоят, куда их поставят.

Велишь уйти - немедленно уходят!

Их не задеть ничем. И только запах пищи

Их заставляет приподнять глаза.

Вбегает старая женщина. Это мать Суна, госпожа Ян.

Госпожа Ян (запыхавшись). Вы мадемуазель Шен-Де? Сын мне все рассказал. Я мать Суна, госпожа Ян. Подумайте только, у него есть надежда снова стать летчиком! Сейчас пришло письмо из Пекина. От управляющего ангаром почтовых самолетов.

Шен Де. Он сможет опять летать? О, госпожа Ян!

Госпожа Ян. Однако это стоит огромных денег: пятьсот серебряных долларов.

Шен Де. Много. Но не отказываться же из-за денег? У меня есть лавка.

Госпожа Ян. Ах, если бы вы могли ему помочь!

Шен Де (обнимает ее). Если бы я могла ему помочь!

Госпожа Ян. Вы дали бы способному человеку возможность выдвинуться.

Шен Де. Как они смеют мешать человеку быть полезным! (После паузы.) За лавку я выручу слишком мало, а эти двести долларов мне одолжили. Вы можете, конечно, взять их сейчас же. Я продам запасы табака и верну долг. (Дает ей деньги стариков.)

Госпожа Ян. Ах, мадемуазель Шен Де, это ведь помощь тому, кто в ней нуждается. Вы знаете, как они его здесь называли? Мертвым летчиком. Раз он больше не летает, значит, он - мертвый.

Шен Де. Однако нам не хватает еще трехсот серебряных долларов. Нужно подумать, госпожа Ян. (Медленно.) Я знаю кое-кого, кто, пожалуй, мог бы помочь. Ах, я не хотела бы звать его больше - он слишком жесток и слишком хитер. Разве что в последний раз?.. Но летчик должен летать! Это ясно.

Отдаленный гул мотора.

Госпожа Ян. Ах, если бы тот, о ком вы говорите, мог достать деньги! Смотрите - утренний почтовый самолет, он летит в Пекин!

Шен Де (решительно). Помашите, госпожа Ян! Летчик, наверно, увидит нас! (Машет своей шалью) Помашите тоже!

Госпожа Ян (машет). Вы знаете того, кто летит?

Шен Де. Нет. Того, кто будет летать. Пусть летит потерявший надежду, госпожа Ян. Пусть хоть один сможет подняться над всей этой бедой, над всеми нами! (Публике.)

Ян Сун, мой любимый, вместе с облаками,

Вопреки ураганам,

Летит сквозь небеса и приносит

Дружеские письма

Друзьям в далекой стране.

ИНТЕРМЕДИЯ ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ

Шен Де входит, держа в руках маску и костюм Шой Да, и поет ПЕСНЮ О БЕСПОМОЩНОСТИ БОГОВ И ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ

У нас в стране

Полезному мешают быть полезным.

Он может доказать, что он полезен,

Лишь получив поддержку сильных.

Добрые

Беспомощны, а боги - бессильны. Почему

У них, богов, нет крейсеров и танков,

Бомбардировщиков и бомб, и пушек,

Чтобы злых уничтожать, а добрых - оберечь?

И нам было бы лучше и богам.

(Надевает костюм Шой Да и делает несколько шагов его походкой.)

Добрые - у нас в стране

Добрыми не могут оставаться:

Пустые миски - едоки дерутся.

Ах, все заветы божьи

От нищеты не помогают. Почему

К нам на базары боги не приходят,

Чтоб оделять довольством, улыбаться

И подкрепленных хлебом и вином

Учить друг с другом дружески общаться?

(Надевает маску Шой Да и продолжает петь его голосом.)

Чтобы добратся с ложкою до чашки,

Нужна жестокость.

Та жестокость, на которой зиждутся империи.

Не раздавив сперва двенадцать нищих,

Тринадцатому не помогут. Почему

Не заявляют боги там, в эфире,

Что время дать всем добрым и хорошим

Возможность жить в хорошем, добром мире?

Почему

Они нас, добрых, к пушкам не приставят

И не прикажут нам: огонь! О, почему

Терпенье терпят боги?

V

Табачная лавка.

За прилавком сидит Шой Да и читает газету. Он не обращает ни малейшего внимания на Шин, которая, болтая без умолку, занимается уборкой.

Шин. Такая лавчонка живо прогорит, если только просочатся кой-какие слухи. Поверьте мне, я знаю, что говорю. Давно пора такому порядочному человеку, как вы, вмешаться в темную историю Шен Де с этим Ян Суном с Желтой улицы. Не забывайте, что господин Шу Фу, живущий напротив цирюльник, который владеет двенадцатью домами и только одной-единственной и к тому же старой женой, не далее чем вчера намекнул, и не кому другому, а мне лично, на свой чрезвычайно лестный для барышни интерес к ней. Он даже справлялся уже о ее имущественном положении. О чем это говорит, как не о настоящей любви? (Не получая никакого ответа, наконец выходит с ведром.)

Голос Суна (снаружи). Это лавка мадемуазель Шен Де?

Голос Шин. Да. Но сегодня здесь двоюродный брат.

Шой Да подбегает к зеркалу легкой походкой Шен Де и только собирается поправить прическу, как замечает в зеркале свою ошибку. Он возвращается с тихим смехом на прежнее место. Появляется Ян Сун, за ним идет Шин. Она

проходит мимо него в лавку.

Сун. Я Ян Сун.

Шой Да кланяется.

Шен Де здесь?

Шой Да. Ее здесь нет.

Сун. Но вам, вероятно, известны наши отношения. (Обводит взглядом лавку.) Настоящий магазин! А мне казалось, что она немного прихвастнула. (С удовлетворением заглядывает в ящички и фарфоровые горшочки.) Человече! Я снова буду летать! (Берет сигару.)

Шой Да дает ему прикурить.

Как вы думаете, сможем мы выколотить из лавки еще триста серебряных долларов?

Шой Да. Разрешите спросить: вы намерены ее сейчас продать?

Сун. У нас же нет трехсот долларов наличными.

Шой Да качает головой.

Со стороны Шен Де было очень мило, что она сразу дала двести. Но недостает трехсот, а без них у меня ни черта не получится.

Шой Да. Мне кажется, она поторопилась обещать вам деньги. Это может стоить ей лавки. Говорят: поспешность - ветер, опрокидывающий здание.

Сун. Мне нужны деньги - сейчас или никогда. И девушка не принадлежит к тем, которые долго задумываются, когда нужно что-нибудь отдать. Между нами, мужчинами: до сих пор она ни в чем не колебалась.

Шой Да. Так.

Сун. Что говорит только в ее пользу.

Шой Да. Могу я узнать, для чего предназначены пятьсот серебряных долларов?

Сун. Вполне. Я вижу, вы меня прощупываете. Управляющий ангаром в Пекине, мой друг по летной школе, устроит меня, если я выложу ему пятьсот серебряных долларов.

Шой Да. Не слишком ли много?

Сун. Нет. Ему придется уличить в оплошности летчика, у которого большая семья и который поэтому очень ревностный служака. Понятно? Кстати, это между нами, Шен Де ничего не должна об этом знать.

Шой Да. Может быть. Однако вот что: не продаст ли управляющий ангаром в следующем месяце также и вас?

Сун. Только не меня. Я не позволю себе оплошности. Я слишком долго был безработным.

Шой Да (кивает головой). Голодная собака быстрее везет тележку домой. (Некоторое время смотрит на Суна испытующим взглядом.) Дело рискованное. Господин Ян Сун, вы требуете от моей кухни, чтобы она отказалась от своего маленького имущества и от всех друзей в этом городе и целиком вручила свою судьбу вам. Я полагаю, у вас есть намерение жениться на Шен Де?

Сун. Да, я к этому готов.

Шой Да. Но разве в таком случае вам не жаль спустить лавку за несколько серебряных долларов? Когда нужно быстро продать, всегда получаешь меньше. Двести серебряных долларов, которые у вас в руках, оплатили бы помещение за полгода. Разве вас не привлекает перспектива табачной торговли?

Сун. Меня? Чтобы Ян Суна, летчика, увидели стоящим за прилавком: "Желаете ли вы, уважаемый господин, крепкую сигару или сигару полегче?" Нет, это не дело для Ян Сунов, по крайней мере не в этом столетии!

Шой Да. Позвольте вас спросить, а летать - это дело?

Сун (достает из кармана письмо). Почтеннейший, я буду получать двести пятьдесят серебряных долларов в месяц! Взгляните сами - почтовые марки и штемпель Пекина.

Шой Да. Двести пятьдесят серебряных долларов? Немало.

Сун. А вы думали, я летаю даром?

Шой Да. Видно, должность подходящая! Господин Ян Сун, кухня уполномочила меня помочь вам получить место летчика, ведь для вас оно - все. Я понимаю мою кухню и не вижу оснований, почему бы ей не следовать влечению своего сердца. Она имеет полное право познать радости любви. Я готов превратить в деньги все, что здесь есть. Вот идет владелица дома госпожа Ми Дзю, воспользуюсь случаем и посоветуюсь с ней насчет продажи.

Домовладелица (входит). Добрый день, господин Шой Да. Вы осведомлены о том, что срок арендной платы истекает послезавтра?

Шой Да. Госпожа Ми Дзю, обстоятельства складываются так, что моя кухня вряд ли сможет продолжать заниматься табачной торговлей. Она собирается замуж, и будущий супруг (представляет Ян Суна) берет ее с собой в Пекин, где они начнут новую жизнь. Если я получу за свой табак достаточную сумму, я продам лавку.

Домовладелица. Сколько же вам нужно?

Сун. Триста наличными.

Шой Да (быстро). Нет, пятьсот!

Домовладелица (Суну). Может быть, я смогу помочь вам. (Шой Да.) Сколько стоил ваш табак?

Шой Да. Кухня в свое время заплатила за него тысячу серебряных долларов и пока еще очень мало продала.

Домовладелица. Тысяча серебряных долларов! Ее, конечно, надули. Вот что я вам скажу: если вы послезавтра съедете, я плачу триста серебряных долларов за всю лавку.

Сун. По рукам! А, старик?

Шой Да. Мало!

Сун. Хватит!

Шой Да. Мне нужно по меньшей мере пятьсот.

Сун. Зачем?

Шой Да. Позвольте мне поговорить с женихом кухни. (Отводит Суна в сторону.) Весь табак заложен двум старикам за двести серебряных долларов, которые вручены вам.

Сун (нерешительно). Есть по этому поводу какое-нибудь письменное соглашение?

Шой Да. Нет.

Сун (после маленькой паузы, домовладелице). Мы согласны на триста.

Домовладелица. Мне еще нужно знать, свободна ли лавка от долговых обязательств.

Сун. Отвечайте же.

Шой Да. Свободна.

Сун. Когда можно получить триста долларов?

Домовладелица. Послезавтра, у вас еще останется время обдумать. Если вы можете подождать месяц, вы получите больше. Я даю триста, и то исключительно потому, что рада помочь вам. Ведь дело, как я понимаю, идет о счастье юной четы. (Уходит.)

Сун (кричит ей вслед). Согласны! Ящички, горшочки, мешочки - все за триста, и конец мучениям! (Шой Да.) А если бы мы получили до послезавтра где-нибудь больше? Тогда мы, пожалуй, даже вернули бы эти двести.

Шой Да. За такой срок? Мы не получим даже доллара сверх того, что нам предлагает Ми Дзю. Есть у вас деньги на поездку вдвоем и на первое время?

Сун. Конечно.

Шой Да. Сколько же?

Сун. Так или иначе, я достану, даже если бы пришлось их украсть.

Шой Да. Ах так, значит, и эту сумму нужно сначала еще раздобыть?

Сун. Не лезь в бутылку, старик. Я доберусь до Пекина, чего бы мне это ни стоило.

Шой Да. Но для двоих это обойдется не так дешево.

Сун. Для двоих? Ведь Шен Де я оставляю здесь. Первое время она была бы для меня, прямо скажем, обузой.

Шой Да. Понимаю.

Сун. Что вы устались на меня, как на дырявый баллон от масла? Выше себя не прыгнешь.

Шой Да. А на какие средства, по-вашему, будет жить моя кузина?

Сун. Надеюсь, вы поможете?

Шой Да. Постараюсь. (Пауза.) Я хотел бы, чтобы вы вернули мне лично двести серебряных долларов, господин Ян Сун, и оставили их здесь до тех пор, пока не предъявите два билета в Пекин.

Сун. Знаешь что, шурин, я просил бы тебя не вмешиваться.

Шой Да. Мадемуазель Шен Де...

Сун. Предоставьте это мне.

Шой Да. ...быть может, не согласится продать свою лавку, если узнает...

Сун. Все равно согласится.

Шой Да. А моих возражений вы не опасаетесь?

Сун. Почтеннейший!

Шой Да. Вы, по-видимому, забыли, что она человек и имеет разум.

Сун (весело). Меня всегда поражало - чего только не воображают об особах женского пола да еще об их разуме! А слышали вы когда-нибудь, например, о могуществе любви и о зове плоти? Вы надеетесь на ее разум? Разума у нее нет. Ее слишком много унижали в течение всей жизни, беднягу! Когда я положу руку ей на плечо и скажу: "Ты пойдешь со мной!" - она услышит колокольный звон и не узнает даже родной матери.

Шой Да (с трудом). Господин Ян Сун!

Сун. Господин... как вас там!

Шой Да. Моя кузина предана вам, потому что...

Сун. Скажем, потому, что ей нравится, когда я ее хватаю! Заруби себе на носу! (Достает из ящика еще одну сигару, потом кладет две в карман и в конце концов берет весь ящик под мышку.) Ты придешь к ней не с пустыми руками: со свадьбой решено. И тогда она принесет триста, или ты их принесешь, или она или ты! (Уходит.)

Шин (высунув голову из дверей задней комнаты). Противный субъект! Вся Желтая улица уже знает, что он держит девчонку в руках.

Шой Да (кричит). Лавка пропала! Он не любит! Это крушение. Гибель. (Начинает

метаться по комнате, как пойманное животное, все время повторяя: "Лавка пропала!" Потом вдруг останавливается перед Шин и обращается к ней.) Шин, вы выросли в сточной канаве и я тоже. Разве мы легкомысленны? Нет. Разве когда надо, мы не способны на жестокость? Нет. Я готов схватить вас за горло и трясти до тех пор, пока вы не выплюнете монету, которую украли у меня. Вы это знаете. Времена ужасны, этот город - ад, но мы карабкаемся вверх по гладкой стене. И вдруг кого-нибудь из нас постигает несчастье любовь. Этого достаточно, все погибло. Малейшая слабость - и человека нет. Как освободиться от всех слабостей, и прежде всего от самой смертоносной любви? Она невыносима для человека! Она слишком дорога! Но скажите, можно ли вечно быть начеку? Что это за мир?

Там поцелуют, а потом задушат.

Любовный вздох - в крик страха переходит.

Ах, почему там коршуны кружат?

Там на свиданье женщина идет!

Шин. Пожалуй, я лучше сразу приведу цирюльника. Поговорите с ним. Это человек чести. Цирюльник - самая подходящая партия для вашей кухни. (Не получив ответа, убегает.)

Шой Да снова мечется по комнате, пока не появляется господин Шу Фу, сопровождаемый Шин, которая, однако, по знаку Шу Фу снова исчезает.

Шой Да (спешит навстречу). Сударь, я слышал, что вы проявляете интерес к моей кухне. Позвольте мне отставить все условности, все требования приличия и всякую сдержанность, так как в данный момент мадемуазель Шен Де угрожает величайшая опасность.

Господин Шу Фу. О!

Шой Да. Моя кухня, еще несколько часов назад владелица собственной лавки, сейчас почти нищая. Господин Шу Фу, лавка погибла.

Господин Шу Фу. Господин Шой Да, очарование мадемуазель Шен Де заключается не в богатствах ее лавки, а в доброте ее сердца. Имя, которым называет ее этот квартал, говорит само за себя: ангел предместий!

Шой Да. Сударь, доброта влетела моей кухне за один только день в двести серебряных долларов! Пора положить этому конец.

Господин Шу Фу. Разрешите мне высказать более мягкое суждение: с этой доброты самое время снять запрет. Делать добро - в натуре мадемуазель Шен Де. Какое имеет значение, что она кормит четырех человек, - глубоко растроганный, я наблюдаю это каждое утро. Почему бы ей не кормить четыреста человек? Я слышал, что она ломает голову над тем, например, как приютить нескольких бездомных. Мои дома за скотобойней пустуют. Они в распоряжении мадемуазель Шен Де и т. д. и т. п. Господин Шой Да, смею ли я надеяться, что эти мысли, пришедшие мне на ум в последние дни, заинтересуют мадемуазель Шен Де?

Шой Да. Господин Шу Фу, она с восхищением выслушает столь возвышенные мысли.

Входит Ван с полицейским. Господин Шу Фу поворачивается и внимательно рассматривает полки.

Ван. Шен Де здесь?

Шой Да. Нет.

Ван. Я Ван, водонос. Вы, по-видимому, господин Шой Да?

Шой Да. Совершенно верно. Здравствуйте, Ван.

Ван. Я дружу с Шен Де.

Шой Да. Знаю - вы один из ее старейших друзей.

Ван (полицейскому). Видите? (Шой Да.) Я пришел насчет своей руки.

Полицейский. Она перебита, тут ничего не скажешь.

Шой Да (быстро). Я вижу, вам нужно перевязать руку. (Достает из комнаты шаль и бросает ее Вану.)

Ван. Но это же новая шаль.

Шой Да. Она ей больше не нужна.

Ван. Шен Де купила ее, чтобы кому-то понравиться.

Шой Да. Как выяснилось, в этом уже нет нужды.

Ван (подвязывает руку шалью). Она моя единственная свидетельница.

Полицейский. Ваша кузина, говорят, видела, как цирюльник Шу Фу ударил щипцами водоноса. Вам это известно?

Шой Да. Я знаю только, что моей кузины не было на месте, когда произошло это маленькое событие.

Ван. Это недоразумение! Пусть придет Шен Де, и все разъяснится. Шен Де все подтвердит. Где она?

Шой Да (серьезно). Господин Ван, вы называете себя другом моей кузины. Как раз сейчас у нее большие заботы. Все, кому не лень, эксплуатировали ее ужаснейшим образом. В будущем она не может разрешить себе больше ни малейшей слабости. Я убежден, вы не потребуете, чтобы она все потеряла, дав ложные показания.

Ван (растерянно). Но ведь по ее же совету я пошел к судье.

Шой Да. Разве дело судьи лечить руку?

Полицейский. Нет. Но его дело заставить цирюльника возместить ущерб.

Господин Шу Фу оборачивается.

Шой Да. Господин Ван, один из моих принципов - не вмешиваться в споры моих друзей. (Кланяется господину Шу Фу.)

Шу Фу делает то же самое.

Ван (сняв шаль и возвращая ее обратно, печально). Понимаю.

Полицейский. Я, стало быть, могу удалиться. Ты собрался надуть и кого порядочного человека. Смотри, парень, в следующий раз будь осмотрительнее со своими наветами. Если господин Шу Фу не пощадит тебя, ты попадешь в тюрьму за клевету. Теперь - проваливай!

Полицейский и Ван уходят.

Шой Да. Прошу извинения за этот инцидент.

Господин Шу Фу. Извиняю. (Быстро.) А дело с этим "кому-то" (показывает на шаль) в самом деле в прошлом? Совсем покончено?

Шой Да. Совсем. Его изобличили. Правда, понадобится время, чтобы раны затянулись.

Господин Шу Фу. Будет проявлена необходимая чуткость.

Шой Да. Это свежие раны.

Господин Шу Фу. Она поедет в деревню.

Шой Да. На несколько недель. Однако она будет рада случаю обсудить это предварительно с человеком, которому может довериться.

Господин Шу Фу. За скромным ужином в скромном, но хорошем ресторане.

Шой Да. В интимной обстановке. Спешу поставить в известность мою кузину. Она проявит благоразумие. Она в тревоге за свою лавку, которую рассматривает как дар богов. Попрошу вас обождать - я сейчас. (Уходит в заднюю комнату.)

Шин (высовывает голову). Можно поздравить?

Господин Шу Фу. Можно. Госпожа Шин, сообщите сегодня же опекаемым Шен Де, что я предоставляю им прибежище в моих домах за скотобойней.

Шин кивает ухмыляясь.

(Встав с места, публике.) Ну, как вы находите меня, дамы и господа? Можно ли сделать больше? Быть самоотверженнее? Деликатнее? Дальновиднее? Скромный ужин! Какие обычно приходят при этом вульгарные и недостойные мысли! О нет, не произойдет ничего предосудительного. Даже прикосновения, хотя бы случайного, когда рука тянется за солонкой! Только обмен мыслями - не больше. Две души найдут друг друга среди цветов, украшающих стол, кстати белых хризантем. (Отмечает это в записной книжке.) Нет, здесь не будет использовано затруднительное положение, не будет извлечена выгода из разочарования. Будут предложены заботы и помощь, но почти безмолвно. Только взглядом будет дано понять, взглядом, который может означать и больше!

Шин. Итак, все устроилось, как вы хотели, господин Шу Фу?

Господин Шу Фу. О, вполне! Очевидно, в этой местности произойдут перемены. Известный субъект получил отставку, и все притязания на лавочку потеряют силу. Люди, осмеливающиеся запятнать репутацию самой целомудренной девушки в городе, впредь будут иметь дело со мной. Что вы знаете об этом Ян Суне?

Шин. Он самый грязный, самый ленивый...

Господин Шу Фу. Он - ничто. Его нет. Он не существует.

Входит Сун.

Сун. Что здесь происходит?

Шин. Господин Шу Фу, если угодно, я позову господина Шой Да. Вряд ли он пожелает, чтобы в лавке торчали посторонние лица.

Господин Шу Фу. У мадемуазель Шен Де с господином Шой Да идет важный разговор, который нельзя прерывать.

Сун. Она здесь? Каким образом? Я не видел, чтобы она сюда входила! И что за разговор? Я должен принять в нем участие!

Господин Шу Фу (преграждает ему дорогу в комнату). Придется подождать, сударь. Думаю, что представляю себе, с кем имею дело. Примите к сведению, что мадемуазель Шен Де и я готовимся объявить о нашей помолвке.

Сун. Что?

Шин. Вас это удивляет?

Сун борется с цирюльником, чтобы попасть в комнату; из нее выходит Шен Де.

Господин Шу Фу. Извините, милая Шен Де. Может быть, вы согласитесь разъяснить?

Сун. Шен Де! Что случилось? Ты с ума сошла?

Шен Де (волнуясь). Сун, мой двоюродный брат и господин Шу Фу договорились, что я познакомлюсь с планами господина Шу Фу, как помочь людям, живущим в этом квартале. (Пауза.) Мой двоюродный брат против наших отношений.

Сун. И ты согласилась?

Шен Де. Да.

Пауза.

Сун. Они тебе сказали, что я плохой человек?

Шен Де молчит.

Вероятно, так оно и есть, Шен Де. Потому-то ты мне и нужна. Я - низкий человек. Без денег, без манер. Но я буду защищаться. Они сделают тебя несчастной, Шен Де. (Идет к ней. Вполголоса.) Взгляни на него! Где твои глаза? (Кладет руку ей на плечо.) Бедный зверек! К чему они склоняют тебя? Брак по расчету! Без меня они прямо потащили бы тебя на бойню. Скажи сама, без меня ушла бы ты с ним?

Шен Де. Да.

Сун. С человеком, которого не любишь!

Шен Де. Да.

Сун. Ты все уже забыла? Как шел дождь?

Шен Де. Нет.

Сун. Как спасла меня от петли, как купила кружку воды, как обещала денег, чтобы я снова мог летать?

Шен Де (дрожа). Чего ты хочешь?

Сун. Чтобы ты ушла со мной.

Шен Де. Господин Шу Фу, простите меня, я хочу уйти с Суном.

Сун. Мы, видите ли, любим друг друга, вы способны это понять? (Ведет ее к двери.) Где ключ от лавки? (Достает его из ее кармана и передает Шин.) Положите на порог, когда кончите уборку. Пойдем, Шен Де.

Господин Шу Фу. Это насилие! (Кричит в глубину сцены.) Господин Шой Да!

Сун. Скажи, чтобы он здесь не орал.

Шен Де. Пожалуйста, не зовите моего двоюродного брата, господин Шу Фу. Он не

согласен со мной, я знаю. Но чувствую, что он неправ. (Публике.)

Я хочу уйти с тем, кого люблю.

Я не хочу высчитывать, сколько это стоит.

Я не хочу обдумывать - хорошо ли это.

Я не хочу знать - любит ли он меня.

Я хочу уйти с тем, кого люблю.

Сун. Вот так.

Шен Де и Сун уходят.

ИНТЕРМЕДИЯ ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ

Шен Де в свадебном наряде на пути к венчанию, обращается к публике.

Шен Де. Я пережила страшную минуту. Когда я вышла из дому веселая, полная радостного ожидания, на улице меня остановила старуха - жена торговца коврами. Дрожа, она рассказала, что ее муж от тревоги за деньги, которые они одолжили мне, заболел. Она думает, что лучше всего, если я верну их сейчас. Я, конечно, обещала. Она успокоилась и, плача, пожелала мне счастья, извинившись за то, что они не доверяют моему двоюродному брату и, к сожалению, даже Суну. Меня охватил такой ужас, что, как только она ушла, у меня подкосились ноги. В смятении я снова бросилась в объятия Ян Суна. Я не могла устоять перед его голосом и ласками. Все дурное, что он сказал Шой Да, не могло образумить Шен Де. Склоняясь в его объятия, я подумала: ведь и боги хотели, чтобы я была доброй к себе.

Чтоб не дать другим погибнуть и себя не
погубить,

Чтобы всех осчастливить

И себя со всеми вместе.

Как могла я забыть двух добрых стариков! Сун, как ураган, унес мою лавку в сторону Пекина, а с ней и всех моих друзей. Но он не плохой человек и любит меня. Пока я с ним, он не способен на дурное. То, что мужчина говорит мужчине, - ничего не значит. В таких случаях он хочет казаться великим, могучим и, конечно, черствым. Как только я скажу ему, что старики не в состоянии уплатить налоги, он все поймет. Он скорее станет рабочим на цементном заводе, чем летчиком путем преступления. Правда, летать - это его страсть. Хватит ли у меня силы пробудить в нем добрые чувства? Я иду к венцу - страх и радость борются в моей душе. (Быстро уходит.)

VI

Отдельный кабинет в дешевом ресторане в предместье города.

Официант наливает вино свадебным гостям. Возле Шен Де стоят дедушка, невестка, племянница, Шин и безработный. В углу одиноко ждет бонза. На переднем плане Сун, разговаривающий со своей матерью, госпожой Ян. Он в смокинге.

Сун. Кое-какие неприятности, мама. Она только что со свойственной ей простотой объявила мне, что не может продать лавку. Какие-то люди потребовали обратно две сотни серебряных долларов, которые она взяла займы и отдала тебе. А ее двоюродный брат признался мне, что между ними нет письменного договора.

Госпожа Ян. Что ты ей ответил? Ты, конечно, не можешь на ней жениться.

Сун. Говорить с ней о таких вещах бесполезно. Она слишком тупа. Я послал за ее двоюродным братом.

Госпожа Ян. Но он хочет выдать ее за цирюльника.

Сун. С этим сватовством я покончил. Цирюльника отвадили. А двоюродный брат сразу смекнет, что раз я получил двести долларов, то и с лавкой покончено, потому что кредиторы наложат на нее арест. Но он сообразит также, что если я не получу еще трехсот, то мне не летать.

Госпожа Ян. Пойду подстерегу его на улице. А ты ступай к невесте, Сун!

Шен Де (обращается к публике). Я не ошиблась в нем. Он ничем не проявил

разочарования. Конечно, отказаться от того, чтобы летать, - для него тяжелый удар. Однако он весел. Я люблю его. (Кивком головы подзывает к себе Суна.) Сун! Ты еще не чокнулся с невестой.

Сун. За что мы выпьем?

Шен Де. За будущее.

Пьют.

Сун. Когда жениху не надо будет брать напрокат смокинг.

Шен Де. Но когда платье невесты иногда будет попадать под дождь.

Сун. За все, что мы себе желаем!

Шен Де. Чтобы оно скорее сбылось!

Госпожа Ян (идя к выходу, Шин). Я в восторге от своего сына. Я всегда внушала ему, что ему ничего не стоит взять любую. Почему? У него специальность механика и летчика. И что же он говорит мне теперь? Я женюсь по любви, мама, говорит он. Деньги - еще не все. Это брак по любви! (Невестке.) Когда-нибудь это должно случиться. Не правда ли? Но матери нелегко. Нелегко. (Обращаясь к бонзе, громко.) Пожалуйста, не слишком торопитесь. Если вам понадобится для церемонии столько же времени, сколько для того, чтобы выторговать свое вознаграждение, оно соответственно возрастет. (Шен Де.) Мы еще подождем, дорогая моя. Один из самых уважаемых гостей еще не прибыл. (Ко всем.) Извините, пожалуйста. (Уходит.)

Невестка. Пока есть вино, ждут охотно.

Все садятся.

Безработный. Спешить некуда.

Сун (громко и шутливо). Перед бракосочетанием я должен предварительно устроить тебе маленький экзамен.

мен. Это совсем не лишнее, когда так скоропалительно заключают браки. (Гостям.) Я понятия не имею, что у меня будет за жена. Это меня беспокоит. Ухитришься ли ты, например, из трех чайных листиков сварить пять чашек чая?

Шен Де. Нет.

Сун. Значит, я буду без чая. А сумеешь ли ты улечься на тюфяке величиной с молитвенник?

Шен Де. Вдвоем?

Сун. Одна.

Шен Де. В таком случае - нет.

Сун. Я в отчаянии, что у меня будет такая жена.

Все смеются. За спиной Шен Де в дверях появляется госпожа Ян. Она пожимает плечами, давая понять Суну, что ожидаемого гостя не видно.

Госпожа Ян (бонзе, который показывает ей свои часы). Что вы так спешите? Речь идет о нескольких минутах. Я вижу, все пьют, курят и никто не торопится. (Присаживается к гостям.)

Шен Де. Но не следует ли поговорить о том, как мы уладим дело?

Госпожа Ян. О, пожалуйста, сегодня ни слова о делах! Это придает торжеству такой обыденный тон, правда?

Раздается звонок. Все смотрят на дверь, но никто не входит.

Шен Де. Кого ждет твоя мать, Сун?

Сун. Пусть это будет для тебя сюрпризом. Между прочим, что поделявает твой двоюродный брат Шой Да? Мы с ним хорошо ладили. Весьма разумный человек! Голова! Почему ты молчишь?

Шен Де. Не знаю. Я не хочу о нем думать.

Сун. Почему?

Шен Де. Потому что ты не должен с ним ладить. Если любишь меня, то не можешь любить его.

Сун. Пусть тогда убирается к трем чертям: демону аварий, демону тумана и демону

горючего. Пей, ты, убогая! (Заставляет ее пить.)

Невестка (Шин). Здесь что-то не так.

Шин. А чего же вы ожидали?

Бонза (решительно подходит к госпоже Ян с часами в руке). Я вынужден покинуть вас, госпожа Ян. Сегодня у меня еще одна свадьба и завтра с утра похороны.

Госпожа Ян. Вы думаете, мне приятно, что все откладывается? Мы надеялись, что обойдемся одним кувшином вина. Смотрите - он уже почти пуст. (Громко, Шен Де.) Не понимаю, дорогая Шен Де, почему твой двоюродный брат заставляет себя так долго ждать!

Шен Де. Мой двоюродный брат?

Госпожа Ян. Дорогая моя, да ведь его-то мы и ждем. Я придерживаюсь старых правил и полагаю, что столь близкий родственник должен присутствовать на свадьбе.

Шен Де. О Сун, так это из-за трехсот серебряных долларов!

Сун (не глядя на нее). Ты же слышишь, из-за чего. Она придерживается старых правил. Я вынужден с этим считаться! Подождем еще четверть часика, и если он не придет оттого, что три черта уже схватили его, мы начнем!

Госпожа Ян. Вы все, конечно, уже знаете, что сын получает должность почтового летчика. Мне это очень приятно. В такие времена надо хорошо зарабатывать.

Невестка. Он будет находиться в Пекине, правда?

Госпожа Ян. Да, в Пекине.

Шен Де. Сун, ты должен сказать матери, что с Пекином ничего не выйдет.

Сун. Об этом ей скажет твой двоюродный брат, если только он рассуждает так же, как ты. Между нами: я думаю, что иначе.

Шен Де (испуганно). Сун!

Сун. Как я ненавижу Сычуань! Знаешь, кем они мне все здесь представляются, когда глаза мои полузакрыты? Клячами. Они озабоченно мотают головой: ой, что это там над нами гремит? Как? Мы больше не нужны? Что такое? Наше время кончилось? Пусть они перегрызут друг друга в этом дохлом городе! Только бы вырваться отсюда!

Шен Де. Но я обещала вернуть деньги.

Сун. Да, ты мне об этом говорила. А раз ты способна на подобные глупости, хорошо, что придет твой двоюродный брат. Пей и предоставь нам заниматься делами! Мы все уладим.

Шен Де (в отчаянии). Но двоюродный брат не может прийти!

Сун. Как это понять?

Шен Де. Его здесь нет больше.

Сун. Может, ты расскажешь тогда, как тебе представляется наше будущее?

Шен Де. Я думала, у тебя еще целы двести серебряных долларов. Мы бы их завтра вернули, сохранили табак, который стоит много дороже, и стали бы продавать его у ворот цементного завода. Мы же не в состоянии уплатить арендную плату за полгода.

Сун. Забудь об этом! Забудь скорее, сестра! Чтоб я стал на улице продавать табак рабочим цементного завода, я, Ян Сун, летчик! Лучше я спущу эти двести долларов за одну ночь, лучше выброшу в воду! Твой двоюродный брат - он знает меня. Я договорился с ним, и он принесет к свадьбе еще триста.

Шен Де. Мой двоюродный брат не может быть здесь.

Сун. Я думал, что он не может не быть.

Шен Де. Там, где я, он быть не может.

Сун. Как таинственно!

Шен Де. Так знай же, Сун: он не друг тебе. Это я люблю тебя. Мой двоюродный брат Шой Да никого не любит. Он мой друг, но не друг моих друзей. Он согласился, чтобы ты получил деньги стариков, надеясь на место летчика для тебя. Но он не принесет к свадьбе триста серебряных долларов.

Сун. Это почему?

Шен Де (глядя ему прямо в глаза). Он сказал - ты купил только один билет до Пекина.

Сун. Так было вчера, но вот смотри, что я покажу ему сегодня! (Наполовину вытаскивает из нагрудного кармана две бумажки.) Старухе незачем их видеть. Два билета в Пекин, для меня и для тебя. Ты все еще настаиваешь на том, что двоюродный брат против нашего брака?

Шен Де. Нет. Должность отличная. А лавки у меня больше нет.

Сун. Из-за тебя я распродал мебель.

Шен Де. Не говори больше! Не показывай билеты! Мне очень страшно, я чувствую, что готова все бросить и уехать с тобой. Ах, Сун, я не могу дать тебе триста серебряных долларов, подумай о стариках!

Сун. Подумай обо мне! (Пауза.) А всего лучше пей! Или ты принадлежишь к числу благоразумных? Не нужна мне благоразумная жена. Когда я пью, я снова летаю. И ты выпей и, может быть, еще поймешь меня.

Шен Де. Не думай, что я не понимаю тебя, не понимаю, что ты хочешь летать, а я не могу тебе помочь.

Сун. "Вот самолет, мой любимый, но у него одно лишь крыло!"

Шен Де. Честным путем нам не получить это место в Пекине. Поэтому я должна взять обратно двести серебряных долларов. Дай мне их сейчас, Сун!

Сун. "Дай мне их сейчас, Сун!" О чем ты, собственно, говоришь? Жена ты мне или не жена? Ты что, не понимаешь, что предаешь меня? К счастью моему и твоему также, это больше не зависит от тебя, потому что все уже решено.

Госпожа Ян (ледяным тоном). Сун, ты уверен, что двоюродный брат невесты придет? Сдается мне, что он отсутствует, потому что он против этого брака.

Сун. Что ты говоришь, мама! Нас с ним водой не разольешь. Я широко распахну двери, пусть он сразу найдет нас, когда прибежит на свадьбу своего друга Суна. (Идет к двери, толкает ее ногой. Потом возвращается, слегка пошатываясь, он слишком много выпил, и снова садится возле Шен Де.) Мы будем ждать. Твой двоюродный брат разумнее, чем ты. Любовь, мудро сказал он, неотделима от жизни. А самое важное, он знает, чем это кончится для тебя: ни лавки, ни мужа.

Все ждут.

Госпожа Ян. Идет!

Слышны шаги, и все смотрят на дверь, но шаги снова удаляются,

Шин. Пахнет скандалом. Чувствуете? Невеста ждет свадьбы, а жених господина двоюродного брата.

Сун. Господин двоюродный брат не торопится.

Шен Де (тихо). Ах, Сун!

Сун. Торчать здесь с билетами в кармане, рядом с дурой, которая не умеет считать! Предвижу день, когда ты приведешь в дом полицию, чтобы она потребовала с меня двести серебряных долларов.

Шен Де (публике). Он плохой человек и хочет, чтобы я тоже была плохой. Я, которая его любит, - здесь, а ему нужен двоюродный брат. Но вокруг меня сидят горемыки - старуха с больным мужем, бедняки, которые завтра будут ждать у дверей чашку риса, и чужой человек из Пекина, который дрожит за свою должность. И все они охраняют меня, потому что уповают на меня.

Сун (пристально смотрит на стеклянный кувшин, в котором нет больше вина). Кувшин с вином - это наши часы. Мы - бедные люди, и если гости выпили вино, значит, часы остановились навсегда.

Госпожа Ян делает ему знак, чтобы он молчал, потому что снова слышны шаги.

Официант (входит). Прикажете еще кувшин вина, госпожа Ян?

Госпожа Ян. Нет, я думаю, хватит. Вино только распаривает, правда?

Шин. Да оно небось и дорого.

Госпожа Ян. Когда я пью вино, меня всегда бросает в пот.

Официант. Разрешите тогда получить по счету?

Госпожа Ян (не слушая его). Прошу вас, господа, еще немножко терпения. Родственник, наверно, уже в пути. (Официанту.) Не мешай!

Официант. Я не имею права отпустить вас, пока не получу по счету.

Госпожа Ян. Но меня же здесь знают!

Официант. Вот именно.

Госпожа Ян. Неслыханно! Нынешняя прислуга! Что ты скажешь, Сун?

Бонза. Мое почтение! (Уходит с важным видом.)

Госпожа Ян (в отчаянии). Сидите спокойно! Священник сейчас вернется.

Сун. Оставьте, мама. Господа, после того как священник ушел, - мы не смеем вас дольше задерживать.

Невестка. Пойдем, дедушка!

Дедушка (осушает стакан, серьезно). Здоровье невесты!

Племянница (Шен Де). Не обижайтесь на него. Он сказал от души. Он вас любит.

Шин. Вот так срам!

Все гости уходят.

Шен Де. Мне тоже уйти, Сун?

Сун. Нет, ты подождешь. (Дергает ее за подвенечный убор так, что сдвигает его набок.) Разве это не твоя свадьба? Я подожду, и старуха тоже ждет. Она все еще видит сокола в облаках. Правда, я почти уверен теперь, что это произойдет в день святого Никогда: она подойдет к двери, и его самолет прогремит над ее домом. (Обращаясь к пустым стульям, точно гости все еще здесь.) Дамы и господа, почему вы не продолжаете вашей приятной беседы? Может быть, вам здесь не нравится? Свадьбу немного отложили в ожидании важного гостя и еще потому, что невеста не догадывается, что такое любовь. Чтобы развлечь вас, я, жених, спою вам песню. (Поет.)

ПЕСНЯ О ДНЕ СВЯТОГО НИКОГДА

Каждый, кто качался в бедной колыбели,

Знает, что ему тихонько пели.

И навек запомнил он,

Что бедняк взойдет на трон.

Это будет в день святого Никогда.

В день святого Никогда

Сядет бедный человек на трон.

В этот день берут за глотку зло,

В этот день всем добрым повезло,

А хозяин и батрак

Вместе шествуют в кабак.

В день святого Никогда

Тощий пьет у жирного в гостях.

Речка свои воды катит вспять.

Все добры. Про злобных не слышать.

В этот день все отдыхают

И никто не понукает.

В день святого Никогда

Вся земля как рай благоухает.

В этот день ты будешь генерал.

Ну, а я бы - в этот день летал.

Ван уладит все с рукой.

Ты же обретешь покой.

В день святого Никогда,

Женщина, ты обретешь покой.

Мы уже не в силах больше ждать.

Потому-то и должны нам дать,
Людям тяжкого труда,
День святого Никогда,
День святого Никогда
День, когда мы будем отдыхать!
Госпожа Ян. Он уже не придет.
Трое сидят, и двое из них смотрят на дверь.

ИНТЕРМЕДИЯ

Ночлег Вана.

Продавцу воды снова являются во сне боги. Он заснул над большой книгой.

Музыка.

Ван. Хорошо, что вы пришли, мудрейшие! Ответьте на вопрос, который мучает меня. В разрушенной хижине священника, который покинул ее и пошел работать на цементный завод, я нашел книгу и обнаружил в ней одно странное место. Я хочу прочесть вам. Вот оно. (Перелистывает левой рукой воображаемую книгу, держа ее в правой руке и поднимая ее над настоящей книгой, которая лежит у него на коленях, начинает читать.) "В Сунге есть местность, называемая "Терновая роща". Там растут кактусы, кипарисы и тутовые деревья. Деревья, имеющие одну или две пяди в обхвате, срубают люди, которым нужны прутья для собачьих будок. Деревья трех-четырех футов в обхвате срубают знатные и богатые семьи, которым нужны Доски для своих гробов. Деревья семи-восьми футов в обхвате срубят те, кто ищет бревна для своих роскошных вилл. Таким образом, все эти деревья не доживают свой век, а погибают на половине жизненного пути от пилы и топора. Кто больше приносит пользы, тот больше и страдает".

Третий бог. Выходит, кто всех бесполезнее, тот всех ценнее.

Ван. Нет, тот всех счастливее. Самый негодный - самый счастливый.

Первый, бог. Чего только не пишут!

Второй бог. Почему тебя так волнует эта притча, водонос?

Ван. Из-за Шен Де, мудрейший! Она не нашла счастья в любви, потому что следовала заветам любви к ближнему. Быть может, она слишком добра для этого мира!

Первый бог. Глупости! Слабый, ничтожный ты человек! Вши и неверие, вижу я, наполовину сожрали тебя.

Ван. Конечно, конечно, мудрейший! Прости! Я думал только, может быть, вы вмешаетесь.

Первый бог. Совершенно исключено. Наш друг (показывает на третьего бога, у которого большой синяк под глазом) только вчера вмешался в спор, и вот последствия.

Ван. Но снова пришлось вызывать двоюродного брата. Он необычайно ловкий человек, я испытал это на собственной шкуре, однако даже он не в силах помочь. Лавка, очевидно, обречена.

Третий бог (встревоженно). Может быть, все же надо ей помочь?

Первый бог. Я того мнения, что она сама должна себе помочь.

Второй бог (строго). Чем хуже хорошему человеку, тем полнее он раскрывает себя. Страдание очищает!

Первый бог. Мы возлагаем на нее все свои надежды.

Третий бог. С нашими поисками дело обстоит неважно. Мы встречаем иногда добрые намерения, радующие побуждения, много высоких принципов, но все это слишком мало для того, чтобы считаться добрым человеком. Если попадают более или менее добрые люди, то живут они недостойно людей. (Доверительно.) С ночлегом - совсем плохо. По соломинкам, приставшим к нашей одежде, ты можешь вообразить, как мы проводим ночи.

Ван. Не могли бы вы по крайней мере...

Боги. Ничего. Мы только наблюдатели. И твердо верим, что наш добрый человек сумеет найти свое место на этой мрачной земле. Чем тяжелее бремя, тем крепче будут силы. Потерпи еще немного, водонос, и ты увидишь, что все идет к благополучному...

Фигуры богов бледнели, голоса звучали все тише. Теперь они исчезли, и голосов больше не слышно.

VII

Двор позади табачной лавки Шен Де.

На тележке - скудный домашний скарб. Шен Де и Шин снимают с веревки развешанное белье.

Шин. На вашем месте я зубами и ногтями дралась бы за свою лавку.

Шен Де. Что вы! Мне нечем даже уплатить за помещение. Ведь я обязана сегодня еще вернуть старикам двести серебряных долларов, но так как я отдала их одному человеку, то должна продать свой табак госпоже Ми Дзю.

Шин. Выходит, все полетело? Ни мужа, ни табака, ни кровя! Вот что получается, когда хочешь прыгнуть выше носа. Чем же вы будете жить?

Шен Де. Не знаю. Может, подработаю на сортировке табака.

Шин. Каким образом попали сюда штаны господина Шой Да? Он голый, что ли, отсюда ушел?

Шен Де. У него есть другие штаны.

Шин. Мне слышалось, вы сказали, что он уехал навсегда? Почему же он оставил свои штаны?

Шен Де. Должно быть, они ему больше не нужны.

Шин. Так, значит, не укладывают их?

Шен Де. Нет.

Вбегает запыхавшийся господин Шу Фу.

Господин Шу Фу. Молчите! Мне все известно. Вы пожертвовали своим личным счастьем для спасения двух стариков, которые доверились вам. Нет, не напрасно этот квартал, эти недоверчивые, злобные люди называют вас "ангел предместий". Господин жених не смог подняться до вашей нравственной высоты, и вы расстались с ним. А теперь закрываете свою лавку, этот островок спасения для многих! Я не в силах это видеть. Со своего порога каждое утро я изо дня в день наблюдаю несчастных, толпящихся перед вашей лавкой, и вас, раздающую рис. Неужели это не повторится больше? Неужели доброе дело обречено на гибель? Ах, если бы вы позволили мне помочь вам в этой благородной миссии! Нет, не говорите ничего! Я не требую никаких заверений. Никаких обещаний, что вы соглашаетесь принять мою помощь! Но вот (достаёт чековую книжку и заполняет чек, который кладет на тележку) я выписал вам чек, где вы можете по своему усмотрению проставить любую сумму, а теперь я уйду тихо и скромно, ни на что не претендуя, на цыпочках, преисполненный уважения, самоотверженно! (Уходит.) Шин (рассматривает чек). Вы спасены! Везет же таким, как вы! И всегда находятся дураки. Ну, теперь не зевайте! Впишите сумму в тысячу серебряных долларов, и я побегу в банк, пока он не опомнился.

Шен Де. Поставьте корзину с бельем на тележку. Счет за белье я могу оплатить и без чека.

Шин. Что? Вы отказываетесь? Это преступление! Это вы потому, что в таком случае почтете себя обязанной выйти за него замуж? Это же чистое безумие. Ведь такой человек сам напрашивается, чтобы его водили за нос! Такому это просто доставляет наслаждение. Неужели вы все еще хотите цепляться за своего легчика, когда вся Желтая улица и весь квартал знают, как низко он поступил с вами?

Шен Де. Во всем виновата - нужда. (Публике.)

Я видела, как ночью

Он щеки раздувал во сне.

Каким он злым тогда казался!

А утром я взяла его рубашку.

На свет она была совсем дырявой.

Мне страшно было слышать хитрый смех,

Но вот его я вижу в рваных туфлях,

И я люблю его.

Шин. Вы еще оправдываете его? Подобного безумия я не видела. (Сердито.) Я вздохну с облегчением, когда вы уедете отсюда.

Шен Де (снимая белье, покачнулась). У меня кружится голова.

Шин (берет у нее белье). И часто у вас кружится голова, когда вы тянетесь или нагибаетесь? Уж не ожидается ли кое-что? (Смеется.) Здорово он вас подвел. Если это случилось, то дело дрянь, чек не предназначался для таких обстоятельств. (Уходит с корзиной в глубь сцены.)

Шен Де (неподвижно смотрит ей вслед. Потом осматривает себя, проводит рукой по животу, и на лице у нее появляется выражение глубокой радости. Тихо). О счастье! Во мне зарождается человек. Пока еще ничего не заметно. Но он уже здесь. Мир ожидает его втайне. В городах уже говорят: теперь явился человек, с которым придется считаться. (Как бы представляет публике своего маленького сына.) Летчик!

Приветствуйте нового завоевателя

Недоступных гор и неведомых областей!

Он повезет почту от человека к человеку

Через бездорожье пустынь!

(Начинает ходить взад и вперед, ведя за руку воображаемого сына.) Идем, сынок, взгляни на мир. Вот дерево. Поклонись и приветствуй его. (Кланяется.) Теперь вы знакомы. Слушай, вот идет водонос. Он друг, подай ему руку, не бойся. "Пожалуйста, кружку свежей воды для моего сына. Сегодня жарко". (Дает ему кружку воды.) Ах, полицейский! Лучше обойдем его. Постараемся добыть в саду богача Фей Пуна горсточку вишен. Только чтобы нас не увидели. Идем, сиротка! И тебе хочется вишен! Тихо, тихо, сынок! (Идут, опасливо, осторожно озираясь.) Нет, лучше сюда, тут нас скроет кустарник. Нет, разве так можно идти напролом? (Он, видимо, пытается оттащить ее, она сопротивляется.) Мы должны быть благоразумны. (Внезапно уступает.) Что с тобой поделаешь, если ты хочешь обязательно напролом... (Поднимает его.) Сможешь ты достать вишни? Клади их прямо в рот, там они в сохранности! (Съедает вишню, которую он кладет ей в рот.) Вкусно. О, полицейский! Бежим! (Бегут.) Вот и улица. Теперь спокойно, спокойно, не спеши, чтобы не обратить на себя внимания. Как будто ничего не случилось... (Поет, словно гуляя с ребенком.)

На сливу, на беднягу,

Напал один бродяга.

Он очень, очень ловок был

В затылок сливу укусил.

Входит водонос Ван, ведя за руку ребенка. Удивленно смотрит на Шен Де.

Шен Де (обернувшись на кашель Вана). Ах, Ван! Здравствуй!

Ван. Шен Де, я слышал, что тебе плохо живется и ты даже продаешь свою лавку для расплаты с долгами. Но вот ребенок, лишенный пристанища. Он бегал по двору боен. По-видимому, это сын столяра Лин То, который несколько недель назад лишился своей мастерской и после этого запил. Дети его бегают голодные по чужим дворам. Что с ними делать?

Шен Де (берет у него ребенка). Иди сюда, маленький человек. (К публике.)

Эй, вы! Человек просит крова.

Завтрашний человек просит помочь ему
сегодня!

Его друг, известный вам завоеватель,

Ходатайствует за него.

(Вану.) Он сможет жить в бараках господина Шу Фу, куда, возможно, перееду и я. У меня у самой родится ребенок. Только никому не говори, не то об этом узнает Ян Сун, а мы ему не нужны. Разущи в нижнем городе Лин То и скажи ему, чтобы он пришел сюда.

Ван. Большое спасибо, Шен Де. Я знал - ты что-нибудь придумаешь. (Ребенку.) Видишь, добрый человек всегда найдет выход. Я побегу за твоим отцом. (Хочет идти.)

Шен Де. Ах да, Ван, я только сейчас вспомнила: что с твоей рукой? Ведь я хотела быть твоим свидетелем, но мой двоюродный брат...

Ван. Не беспокойся. Посмотри, я уже научился обходиться без правой руки. Она мне почти не нужна. (Показывает, как может управляться с кувшином и кружкой без помощи правой руки.) Посмотри, как ловко я это делаю.

Шен Де. Но нельзя допустить, чтобы она онемела. Возьми мою тележку, все продай и иди к доктору. Мне стыдно, что я не выполнила своего обещания. Кроме того, я согласилась принять у цирюльника его бараки, что ты только подумаешь об этом?

Ван. Там смогут жить бездомные и ты сама, ведь это важнее моей руки. Иду за столяром. (Уходит.)

Шен Де (кричит ему вслед). Обещай, что пойдешь со мной к доктору.

Шин вернулась и непрерывно делает ей знаки.

Что такое?

Шин. С ума сошли - дарить тележку с последним барахлом? Вам какое дело до его руки? Если об этом узнает цирюльник, он выгонит вас из вашего последнего убежища. И мне вы не заплатили еще за стирку белья!

Шен Де. Почему вы такая злая? (к публике.)

Неужели вы не устаете

Попирать ближних? От жадности

Жилы на лбу и те набухают у вас.

Рука, протянутая от души,

Легко дает и легко получает.

Как соблазнительно быть щедрым!

Как хорошо быть приветливым!

Доброе слово

Вырывается, как вздох облегчения.

Рассерженная Шин уходит.

(Ребенку.) Садись и подожди, пока придет отец.

Ребенок садится на землю. Во двор входит пожилая чета, явившаяся к Шен

Де в день открытия ее лавки. Муж и жена тащат большие мешки.

Женщина. Ты одна, Шен Де? Так как Шен Де утвердительно кивает, она зовет своего племянника, который тоже несет мешок.

Где твой двоюродный брат?

Шен Де. Уехал.

Женщина. Он вернется?

Шен Де. Нет. Я продаю лавку.

Женщина. Это нам известно, потому-то мы и пришли. Вот несколько мешков листового табака, которые нам были должны. Перевези их вместе с твоими пожитками на новую квартиру. Нам некуда их поместить, а на улице мы слишком привлекаем к ним внимание. Я думаю, ты не откажешь, почему бы тебе не оказать нам этой маленькой любезности после того, как нас постигло несчастье в твоей лавке.

Шен Де. Я охотно сделаю это.

Мужчина. Если тебя спросят, чьи это мешки, скажи, что они твои.

Шен Де. Кто может спросить?

Женщина (пристально смотрит на нее). Полиция, например. Она настроена против нас и будет рада случаю нас разорить. Куда поставить мешки?

Шен Де. Не знаю. Именно сейчас я остерегаюсь чего-либо такого, что может привести меня в тюрьму.

Женщина. Это похоже на тебя. Ко всему прочему мы должны еще потерять эти жалкие мешки с табаком, все, что удалось спасти из нашего имущества!

Шен Де упрямо молчит.

Мужчина. Пойми, этот табак может стать основой маленького дела. Мы еще могли бы преуспеть.

Шен Де. Хорошо, я спрячу ваши мешки. Мы поставим их пока в задней комнате. (Входит вместе с ними в лавку.)

Ребенок смотрит ей вслед. Потом робко, оглядываясь, подходит к мусорному ведру и достает из него что-то. Начинает есть. Шен Де и остальные возвращаются.

Женщина. Ты понимаешь, конечно, что мы целиком полагаемся на тебя.

Шен Де. Да. (Видит ребенка и цепенеет.)

Мужчина. Послезавтра мы разыщем тебя в домах господина Шу Фу.

Шен Де. Теперь уходите - мне нехорошо. (Выталкивает их.)

Все трое уходят.

Он голоден. Шарит в помойном ведре. (Поднимает ребенка и, потрясенная участью детей бедняков, обращается к публике, показывая серый ротик ребенка. Она клянется никогда не относиться к своему ребенку с такой бессердечностью.)

О сын, о летчик!

В какой мир ты приходишь?

Они хотят, чтобы и ты ловил свою рыбу
в помойном ведре!

Смотрите на эту серую мордочку!

(Указывает на ребенка.)

Как вы обращаетесь с подобными себе?

Нет у вас жалости

К плоду вашего же тела.

Нет у вас, несчастные,
сочувствия к самим себе.

Ну, так я сама буду защищать свое.

Я стану тигрицей. Да, с того часа

Как я это увидела, я хочу

Отделиться от вас.

Не успокоюсь до тех пор,

Покуда не спасу своего сына,

Хотя бы его одного.

Мой сын, тебе должно послужить все,
Чему меня учили обманом или кулаком

В моей школе, в канаве!

Мой сын, лишь для тебя я буду доброй,

А для других - тигрицей, диким зверем.

Раз так должно быть.

А должно быть - так!

(Уходит, чтобы превратиться в двоюродного брата.) Придется еще раз, последний раз, надеюсь. (Берет с собой штаны Шой Да.)

Возвратившаяся Шин с любопытством смотрит ей вслед. Входят невестка и дедушка.

Невестка. Лавка заперта, скарб во дворе! Это конец!

Шин. Последствие легкомыслия, чувственности и эгоизма! Куда она катится? Вниз! В бараки господина Шу Фу, к вам!

Невестка. Каково-то ей там покажется? Мы пришли жаловаться! Сырые крысиные норы с прогнившим полом. Цирюльник отдал их только потому, что там заплесневели его запасы мыла. "У меня есть для вас убежище, что вы на это скажете?" - "Стыд и срам!" - отвечаем мы на это.

Входит безработный.

Безработный. Верно, что Шен Де уезжает?

Невестка. Да, она хотела ускользнуть, чтобы об этом не узнали.

Шин. Ей стыдно за свое разорение.

Безработный (взволнованно). Нужно вызвать двоюродного брата! Посоветуйте ей вызвать его! Он один может что-нибудь сделать.

Невестка. Верно, верно! Он, правда, скуп, но, во всяком случае, спасет ее лавку, тогда и нам легче станет.

Безработный. Я думал о ней, а не о нас. Но это верно, и ради нас его нужно позвать.

Входит Ван со столяром. Он ведет за руки двух детей.

Столяр. Просто не знаю, как благодарить вас. (Остальным.) Нам обещали квартиру.

Шин. Где?

Столяр. В домах господина Шу Фу! И это благодаря маленькому Фену. "Эй, вы! Человек просит крова!" - будто бы сказала Шен Де и сразу же раздобыла нам жилье. Поблагодарите вашего брата!

Столяр и его дети весело кланяются ребенку.

Благодарим тебя, просящего крова!

Входит Шой Да.

Шой Да. Можно узнать, что вам всем здесь надо?

Безработный. Господин Шой Да!

Ван. Добрый день, господин Шой Да. Я не знал, что вы вернулись. Вам известен столяр Лин То. Мадемуазель Шен Де обещала ему убежище в домах господина Шу Фу.

Шой Да. Дома господина Шу Фу не свободны.

Столяр. Значит, мы не можем поселиться там?

Шой Да. Нет. Это помещение предназначено для других целей.

Невестка. Значит, и нам надо выселиться оттуда?

Шой Да. Боюсь, что да.

Невестка. Но куда же нам всем деваться?

Шой Да (пожимая плечами). Насколько я понял, мадемуазель Шен Де кстати, она уехала - не собирается оставить вас без помощи. Но в будущем все должно быть устроено несколько разумнее. Раздача пищи без ответных услуг прекращается. Вместо этого каждому будет дана возможность, честно работая, снова стать на ноги. Шен Де решила дать всем вам работу. Кто из вас хочет теперь последовать за мной в дома Шу Фу, тот не останется с пустыми руками.

Невестка. Значит ли это, что мы все должны работать на Шен Де?

Шой Да. Да. Вы будете разделять табак. Там, в задней комнате, лежат три тюка. Принесите их!

Невестка. Не забывайте, что и у нас была своя лавка и мы предпочитаем работать для самих себя, - у нас есть свой собственный табак.

Шой Да (безработному и столяру). А вы - как? Будете работать на Шен Де? Ведь у вас нет собственного табака?

Столяр и безработный с недовольным видом входят в лавку. Входит домовладелица.

Домовладелица. Ну, господин Шой Да, как насчет продажи? Вот триста серебряных долларов.

Шой Да. Госпожа Ми Дзю, я решил не продавать лавку, а подписать контракт на аренду.

Домовладелица. Что? Вы не нуждаетесь больше в деньгах для летчика?

Шой Да. Нет.

Домовладелица. И у вас есть деньги для платы за помещение?

Шой Да (берет с тележки чек цирюльника и заполняет его). Вот чек на десять тысяч серебряных долларов, выданный господином Шу Фу, который интересуется моей кузиной. Убедитесь, госпожа Ми Дзю! Двести серебряных долларов за помещение на ближайшие

полгода будут в ваших руках еще до шести часов вечера. А теперь, госпожа Ми Дзю, разрешите

мне продолжать работу. Я очень занят сегодня и прошу меня извинить.

Домовладелица. Ах, понимаю, господин Шу Фу идет по стопам летчика! Десять тысяч серебряных долларов! Все же я удивляюсь непостоянству и легкомыслию нынешних молодых девушек, господин Шой Да. (Уходит.)

Столяр и безработный вносят мешки.

Столяр. Не знаю, почему я должен таскать для вас мешки.

Шой Да. Достаточно, что я это знаю. У вашего сына здоровый аппетит. Он хочет есть, господин Лин То.

Невестка (видит мешки). Здесь был мой зять?

Шин. Да.

Невестка. Ну, конечно, я узнаю мешки. Это наш табак!

Шой Да. Не советую говорить об этом так громко. Табак - мой, это следует хотя бы из того, что он находится у меня. Если вы сомневаетесь, мы можем отправиться в полицию и рассеять ваши сомнения. Пойдем?

Невестка (сердито). Нет.

Шой Да. Кажется, у вас все-таки нет собственного табака. Может быть, в этих условиях вы ухватитесь за спасительную руку, протянутую вам мадемуазель Шен Де? А теперь сделайте мне одолжение и покажите дорогу к домам господина Шу Фу.

Взяв самого младшего ребенка столяра за руку, Шой Да уходит. За ним следуют столяр, его остальные дети, невестка, бабушка и безработный. Невестка, столяр и безработный тащат мешки.

Ван. Он не злой человек, но Шен Де - добрая.

Шин. Не знаю. На бельевой веревке не хватает пары штанов. Их носит двоюродный брат. Это что-нибудь да значит. Любопытно бы узнать - что?

Входят старик и старуха.

Старуха. Мадемуазель Шен Де здесь нет? Шин (сухо). Уехала.

Старуха. Странно. Она хотела принести нам кое-что.

Ван (с горестным видом смотрит на свою руку). И мне она хотела помочь. Рука все больше немеет. Шен Де, наверно, скоро вернется. Ее двоюродный брат обычно не задерживается здесь надолго.

Шин. Да, не правда ли?

ИНТЕРМЕДИЯ

Ночлег Вана.

Музыка. Во сне водонос сообщает богам свои опасения. Боги все еще продолжают свое путешествие. Они кажутся утомленными. Они задержались и повернули головы к водоносу.

Ван. Прежде чем меня разбудило ваше появление, мудрейшие, я видел во сне свою милую сестру Шен Де, ей было очень трудно. Она стояла в тростнике у реки, в том месте, где находят самоубийц. Она странно пошатывалась, шея у нее была согнута, словно она тащила что-то мягкое, но тяжелое, что тянуло ее в тину. Когда я окликнул ее, она ответила, что должна перенести на другой берег целый тюк письменных предписаний, чтобы он не промок - иначе сотрутся письма. Вернее сказать, я ничего не видел на ее плечах. Но с испугом я вспомнил, что вы, боги, внушали ей великие добродетели в благодарность за то, что она приютила вас у себя, когда вы - о срам! - не могли найти ночлега. Я уверен, вы понимаете мой страх за нее.

Третий бог. Что ты предлагаешь?

Ван. Уменьшить количество предписаний, мудрейшие. Облегчить бремя предписаний, учитывая тяжелые времена, о милосердные!

Третий бог. Что же именно, Ван, что же именно?

Ван. Если бы, например, вместо любви достаточно было простой благосклонности

или...

Третий бог. Но ведь это еще тяжелее, ах ты, несчастный!

Ван. Или снисходительность вместо справедливости.

Третий бог. Но сколько это задаст всем работы!

Ван. Тогда просто порядочность вместо чести!

Третий бог. Но ведь это еще больше, ты, малover!

Устало бредут дальше.

VIII

Табачная фабрика Шой Да. В бараках господина Шу Фу Шой Да открыл небольшую табачную фабрику. Помещение за решеткой битым набито людьми. Особенно много женщин и детей.

Среди них - невестка, бабушка, столяр и его дети.

Перед решеткой появляется госпожа Ян в сопровождении своего сына Суна.

Госпожа Ян (публике). Я должна вам рассказать, как мой сын благодаря мудрости и строгости всеми уважаемого господина Шой Да превратился из опустившегося человека в полезного. Как известно всему кварталу, господин Шой Да открыл недалеко, от скотобойни небольшую, но быстро расцветшую табачную фабрику. Три месяца назад я была вынуждена обратиться к нему. Он принял меня вместе с моим сыном после недолгого ожидания.

Вышедший из фабрики Шой Да подходит к госпоже Ян.

Шой Да. Чем могу служить, госпожа Ян?

Госпожа Ян. Господин Шой Да, я пришла просить вас за сына. Сегодня утром у нас была полиция, и нам сказали, будто вы подали жалобу от имени мадемуазель Шен Де за нарушение обещания жениться и получение обманом двухсот серебряных долларов.

Шой Да. Совершенно верно, госпожа Ян.

Госпожа Ян. Господин Шой Да, ради всех богов, еще раз окажите милосердие. Деньги истрачены. Он промотал их за два дня, когда провалился план с должностью летчика. Я знаю, он негодяй. Он продал было даже мою мебель и собирался уехать в Пекин без своей старой мамы. (Плачет.) Мадемуазель Шен Де была о нем когда-то хорошего мнения.

Шой Да. Что вы можете сказать, господин Ян Сун?

Сун (мрачно). У меня уже нет этих денег.

Шой Да. Госпожа Ян, ради слабости, которую по каким-то мне непонятным причинам моя кузина питала к вашему опустившемуся сыну, я готов еще раз помочь ему. Шен Де надеется, как она мне сказала, что честный труд еще исправит его. Я предоставлю ему место на моей фабрике. Постепенно из его заработной платы будут удержаны двести серебряных долларов.

Сун. Значит, или каталажка, или фабрика?

Шой Да. Выбор за вами.

Сун. А с Шен Де мне нельзя переговорить?

Шой Да. Нет.

Сун. Где мое рабочее место?

Госпожа Ян. Тысяча благодарностей, господин Шой Да! Вы бесконечно добры, и боги наградят вас. (Суну.) Ты сошел с правильного пути. Постарайся теперь честным путем добиться такого положения, чтоб не стыдно было смотреть в глаза своей матери.

Сун следует за Шой Да на фабрику.

(Возвращается к рампе.) Первые недели Суну было трудно. Работа не нравилась ему, а случая показать себя не представлялось. Только на третьей неделе ему посчастливилось. Он и бывший столяр Лин То должны были таскать мешки с табаком.

Сун и бывший столяр Лин То тащат каждый по два мешка табака.

Столяр (кряхтя и охая, останавливается и садится на мешок). Я больше не в силах. Я уже слишком стар для такой работы.

Сун (тоже садится). Почему ты не швырнешь им эти мешки в рожу?

Столяр. А дальше что? Для того чтобы хоть как-нибудь прожить, я вынужден даже

детей запрягать. Если бы это видела мадемуазель Шен Де! Она добрая.

Сун. Да, не из худших. И если бы жизнь не была так чертовски тяжела, мы с Шен Де хорошо бы поладили. Хотел бы я знать, где она. Ну, давай-ка лучше работать - обычно он является в это время.

Встают.

(Видит приближающегося Шой Да.) Дай мне свой мешок, калека! (Поднимает еще один из мешков Лин То.)

Столяр. Вот спасибо! Ах, если бы она была здесь и видела, что ты помог старому человеку, она бы тебя похвалила. Да, да...

Входит Шой Да.

Госпожа Ян. Господин Шой Да, конечно, сразу увидел, что такое настоящий работник, который по-настоящему относится к работе. И, конечно, вмешался.

Шой Да. Стойте, вы! Что тут происходит? Почему ты несешь только один мешок?

Столяр. Я немного устал сегодня, господин Шой Да, и Ян Сун был так добр...

Шой Да. Ты вернешься назад и возьмешь три мешка, дружок. Что может Ян Сун, можешь и ты. Ян Сун старается, а ты?

Госпожа Ян (в то время как бывший столяр берет еще два мешка). Ни одного слова, конечно, не было сказано Суну, но господин Шой Да уже получил представление о нем и в следующую субботу при выплате заработной платы...

Ставят стол, входит Шой Да с мешочком денег. Стоя рядом с надсмотрщиком бывшим безработным, - он выплачивает заработную плату. К столу подходит Сун.

Надсмотрщик. Ян Сун - шесть серебряных долларов.

Сун. Простите, здесь может быть только пять. Только пять серебряных долларов. (Берет ведомость, которую держит надсмотрщик.) Взгляните, пожалуйста, здесь отмечено шесть рабочих дней, в то время как один из них я провел в суде. (Лицемерно.) Я не желаю получать то, что мне не причитается, даже при такой мизерной плате!

Надсмотрщик. Значит, пять серебряных долларов! (Шой Да.) Редкий случай, господин Шой Да!

Шой Да. Как могло быть записано шесть дней, раз он работал пять?

Надсмотрщик. По всей вероятности, я и вправду ошибся, господин Шой Да. (Суну, холодно.) Больше этого не случится.

Шой Да (отводит Суна в сторону). Я недавно заметил, что вы сильный человек и не скрываете этого от фирмы. Сегодня я убедился, что вы еще и честный человек. Часто случается, что надсмотрщик ошибается в ущерб фирме?

Сун. У него знакомые среди рабочих - они считают его своим.

Шой Да. Понимаю. Услуга за услугу. Хотите получить вознаграждение?

Сун. Нет. Но позволю себе обратить ваше внимание на то, что я еще и грамотный человек. Я, видите ли, получил некоторое образование. Надсмотрщик хорошо относится к рабочим, но он, как человек необразованный, не в состоянии понять интересы фирмы. Прошу вас - неделю испытательного срока, господин Шой Да. Постараюсь доказать вам, что мои умственные способности пригодятся фирме больше, чем сила моих мышц.

Госпожа Ян. Это были смелые слова, но в тот вечер я сказала своему Суну: "Ты летчик. Покажи и там, где ты теперь находишься, что можешь подняться ввысь! Лети, мой сокол!" На самом деле, чего только не достигнут образование и ум! Разве без них выбьешься в люди? Мой сын творил настоящие чудеса на табачной фабрике господина Шой Да!

Сун стоит, широко расставив ноги, позади работающих. Они передают друг другу через головы корзину листового табака.

Сун. Эй, вы, что это за работа! Разве корзину так передают? Живее! (Ребенку.) А ты почему не сядешь на пол? Место освободится. А ты там можешь заодно и прессовать. Лодыри! За что только мы платим вам деньги? Быстрее, говорю! Ко всем чертям! Деда посадить в сторонку, пускай он тербит вместе с детьми! Разленился он тут! Ну, дружнее! (Хлопает в такт в ладоши, и корзина движется быстрее.)

Госпожа Ян. И ни вражда, ни брань необразованных людей - а в этом не было недостатка - не удержали моего сына от исполнения своего долга.

Один из рабочих запекает песню о восьмом слоне. Другие подтягивают припев.

ПЕСНЯ О ВОСЬМОМ СЛОНЕ

1

Семерых слонов имеет господин.
Сверх того - восьмым он обладает.
Семеро дики. Восьмой - ручной.
Он за семерыми наблюдает.
Рысью, побыстрее!
Ни пня не оставлять в лесу!
Вы все должны раскорчевать,
А ночь уж на носу!

2

Семеро слонов корчуют лес.
На восьмом - их господин гарцует.
Целый день-деньской наблюдал восьмой,
Как они, усердно ли корчуют.
Ташите побыстрее!
Ни пня не оставлять в лесу!
Вы все должны раскорчевать,
А ночь уж на носу!

3

Семеро слонов больше не хотят.
Больше к пням они не подступают.
Господин пришел. Был он очень зол.
Он восьмому рису подсыпает.
Как это понять?
Ни пня не оставлять в лесу!
Вы все должны раскорчевать,
А ночь уж на носу!

4

Семеро слонов лишены клыков.
Только у восьмого клык остался.
Он к слонам идет. Смертным боем бьет.
Господин увидел - засмеялся.
Ташите побыстрее!
Ни пня не оставлять в лесу!
Вы все должны раскорчевать,
А ночь уж на носу!

Спокойно прохаживаясь и куря сигару, Шой Да выходит вперед. Ян Сун, смеясь, подпекает припев третьей строфы и в последней строфе, хлопая в ладоши, ускоряет темп.

Госпожа Ян. Мы просто не знаем, как нам благодарить господина Шой Да. Почти незаметно, одной лишь строгостью и мудростью, он извлек из Суна все хорошее, что в нем таилось! Он не давал никаких фантастических обещаний, подобно его хваленой кухне, но заставил его честно работать. И сейчас Суна не узнать. Он совсем другой, чем еще три месяца назад! Вы, надеюсь, согласитесь со мной! Недаром старики говорили: "Благородный человек, что колокол, если ударишь в него - звонит, не ударишь - не звонит".

IX

Табачная лавка Шен Де.

Лавка превратилась в контору с глубокими креслами и красивыми коврами. Идет

дождь. Потолстевший Шой Да прощается с супружеской парой, торгующей коврами. Шин, усмехаясь, наблюдает за ними. Бросается в глаза, что она одета во все новое.

Шой Да. Сожалею, но не могу сказать, когда она вернется.

Старуха. Сегодня мы получили письмо. В него были вложены двести серебряных долларов, которые мы когда-то ей одолжили. Отправитель не указан. Но письмо, конечно, от Шен Де. Нам хотелось бы написать ей, какой ее адрес?

Шой Да. И этого я, к сожалению, не знаю.

Старик. Идем.

Старуха. Когда-нибудь должна же она возвратиться!

Шой Да кланяется. Старики уходят, неуверенные и обеспокоенные.

Шин. Деньги пришли слишком поздно. Они потеряли свою лавку, потому что не заплатили налогов.

Шой Да. Почему они не обратились ко мне?

Шин. К вам обращаются неохотно. Вначале они ждали, что вернется Шен Де, ведь у них не было никакой расписки. В самое тяжелое для них время у старика началась лихорадка, и его жена день и ночь сидела возле него.

Шой Да (вынужден сесть, ему дурно). У меня опять кружится голова.

Шин (хлопчет около него). Вы на седьмом месяце! Волнения вредны для вас. Радуйтесь, что я здесь. Никто не может обойтись без человеческой помощи. В трудную минуту я буду подле вас. (Смеется.)

Шой Да (слабым голосом). Могу я рассчитывать на это, госпожа Шин?

Шин. А как же! Это, конечно, будет стоить какую-нибудь там мелочь. Расстегните воротник, вам станет легче.

Шой Да (жалобно). Ведь все это только ради ребенка, госпожа Шин.

Шин. Все ради ребенка.

Шой Да. Только я слишком быстро полнею. Боюсь, уже заметно.

Шин. Это объясняют благополучием.

Шой Да. А что будет с маленьким?

Шин. Три раза на день вы об этом спрашиваете. За ним будет хороший уход. Лучший, какой только возможен за золото.

Шой Да. Да. (Боязливо.) Он никогда не должен видеть Шой Да.

Шин. Никогда. Одну только Шен Де.

Шой Да. Но слухи в квартале! Водонос со своей болтовней. За лавкой следят!

Шин. Пока не узнал цирюльник, ничего еще не потеряно. Глотните воды.

Входит Сун в элегантном костюме, с портфелем делового человека. Он с удивлением видит Шой Да в объятиях Шин.

Сун. Я, кажется, помешал?

Шой Да (поднимается с трудом и, шатаясь, идет к двери). До завтра, госпожа Шин.

Шин, натягивая перчатки, уходит улыбаясь.

Сун. Перчатки! Откуда, как, зачем? Смотрите, не окручивает ли она вас? (Так как Шой Да не отвечает.) Неужели и вы подвержены нежным чувствам? Смешно. (Достает листок из портфеля.) Во всяком случае, вы в последнее время не на вашей прежней высоте. Причуды. Неуверенность. Вы больны? Дело страдает от этого. Вот опять бумажка из полиции. Они грозят закрыть фабрику. Говорят, что в крайнем случае разрешат пребывание в одном помещении не больше чем двойному числу людей, сверх дозволенного законом. Пора наконец что-то предпринять, господин Шой Да!

Шой Да с минуту рассеянно смотрит на него. Затем уходит в заднюю комнату и возвращается со свертком. Достает из него новую шляпу-котелок и бросает ее на письменный стол.

Шой Да. Фирма желает, чтобы ее представители прилично одевались.

Сун. Уж не для меня ли вы купили его?

Шой Да (равнодушно.) Примерьте, впору ли он вам.

Сун удивленно смотрит на Шой Да и надевает шляпу. Шой Да поправляет котелок.

Сун. Благодарю, но не уклоняйтесь от разговора. Сегодня вам предстоит обсудить с цирюльником новый проект.

Шой Да. Цирюльник ставит невыполнимые условия.

Сун. Если бы вы мне наконец сообщили, какие это условия.

Шой Да (уклончиво). Бараки вполне удовлетворительны.

Сун. Для сброда, который там работает, но не для табака. Он сыреет. Я поговорю с Ми Дзю о ее помещении еще до заседания. Когда мы его получим, мы сможем выгнать всех наших калек, попрошаек и недотеп. Они не годятся. За чашкой чая я поглажу Ми Дзю ее жирные колени, и помещение обойдется нам в полцены.

Шой Да (резко). Нет. Я требую ради престижа фирмы, чтоб вы вели себя сдержанно и холодно, как подобает дельцу.

Сун. Почему вы так раздражительны? Неужели из-за этих сплетен?

Шой Да. Я не слушаю сплетен.

Сун. Значит, это опять дождь. Каждый раз, когда идет дождь, вы становитесь раздражительны и грустны. Хотелось бы знать почему.

Голос Вана (с улицы).

Гром гремит, и дождик льется,

Ну а я - водой торгую,

А вода не продается

И не пьется ни в какую.

Я кричу: "Воды купите!"

Но никто не покупает.

В мой карман за эту воду

Ничего не попадает.

Сун. Опять этот проклятый водонос. Сейчас он снова начнет приставать.

Голос Вана (с улицы). Неужели в городе не осталось ни одного доброго человека? Даже здесь, где жила добрая Шен Де? Где она, которая много месяцев назад в дождливый день от радости купила у меня кружку воды? Где она теперь? Неужели никто не видел ее? Не слышал о ней? Однажды вечером она вошла в этот дом и больше уже не выходила из него.

Сун. Не заткнуть ли ему наконец глотку? Ему-то какое дело, где она! Впрочем, если на то пошло, вы не говорите этого только для того, чтобы не узнал я.

Ван (входит). Господин Шой Да, я снова спрашиваю вас, когда вернется Шен Де. Полгода прошло с тех пор, как она уехала.

Шой Да молчит.

За это время здесь было многое, чего не было бы в ее присутствии.

Шой Да продолжает молчать,

Господин Шой Да, ходят слухи, что с Шен Де что-то случилось. Мы, ее друзья, сильно встревожены. Будьте любезны дать нам ее адрес.

Шой Да. К сожалению, у меня сейчас нет времени, господин Ван. Приходите на следующей неделе.

Ван (взволнованно). От людей не укрылось и то обстоятельство, что рис, который раньше получали нуждающиеся, снова стал появляться у дверей.

Шой Да. И какие выводы делают из этого?

Ван. Что Шен Де вообще не уезжала.

Шой Да. А что же?

Ван молчит.

Тогда я отвечу вам. Ответ окончательный. Если вы друг Шен Де, господин Ван, спрашивайте возможно меньше о ее местопребывании. Вот вам мой совет.

Ван. Недурной совет! Господин Шой Да, Шен Де сообщила мне перед своим исчезновением, что она беременна!

Сун. Что?

Шой Да (быстро). Ложь!

Ван (очень серьезно). Господин Шой Да, не думайте, что друзья Шен Де когда-либо перестанут справляться о ней. Доброго человека забыть нелегко их не так много. (Уходит.)

Шой Да, оцепенев, смотрит ему вслед. Потом быстро уходит в заднюю комнату.

Сун (к публике). Шен Де беременна! Я вне себя! Я обманут! Она, вероятно, сказала об этом своему двоюродному брату, а этот прохвост, конечно, тотчас же спровадил ее. "Уложи свои вещи и исчезни, пока отец ребенка ничего не знает". Но это противоестественно! Бесчеловечно! У меня сын. В мире должен появиться еще один Ян! И что же происходит? Девушка исчезает, а меня заставляют здесь работать. (В ярости.) Нет, шляпой не отделаешься! (Топчет шляпу ногами.) Преступник! Разбойник! Похититель детей! А девушка лишена защитника!

Из комнаты доносится всхлипывание.

(Застывает на месте.) Кто может там плакать? Кто же это? Перестали. Нет, кто-то плачет. Не рыдает же этот прожженный плут Шой Да! Кто же тогда? И что означает появление риса у дверей? Возможно ли, чтоб девушка была здесь? Неужели он ее прячет? А кто же может там плакать? Вот это был бы сюрприз! Если она беременна, я должен непременно разыскать ее!

Шой Да возвращается из комнаты. Подходит к двери и смотрит на дождь.

Итак, где она?

Шой Да (поднимает руку и прислушивается). Одну минутку! Уже девять часов. Но почему-то ничего не слышно. Слишком сильный дождь.

Сун (иронически). Что вы хотите услышать?

Шой Да. Почтовый самолет.

Сун. Шутки!

Шой Да. Когда-то, говорят, вы хотели летать? Разве вы потеряли интерес к этому?

Сун. Я не жалуясь на мое теперешнее положение, если вы это имеете в виду. Признаться, я не люблю ночной службы. А почтовые самолеты летают ночью. Я, так сказать, привязался к фирме. Как-никак - это все же фирма моей бывшей невесты, если она даже и уехала. Ведь она уехала?

Шой Да. Почему вы спрашиваете?

Сун. Быть может, потому, что ее дела мне все еще не безразличны.

Шой Да. Это могло бы заинтересовать мою кузину.

Сун. Ее дела занимают меня, во всяком случае, до такой степени, что я не стану закрывать глаза, если ее лишают, например, свободы передвижения.

Шой Да. Кто лишает ее?

Сун. Вы!

Пауза.

Шой Да. Как бы вы поступили в подобном случае?

Сун. Я, пожалуй, прежде всего обсудил бы свое положение в фирме.

Шой Да. Ах, так! И если бы фирма, то есть я предоставил вам соответствующую должность, можно было бы рассчитывать, что вы прекратите дальнейшие, расспросы о вашей бывшей невесте?

Сун. Не исключено.

Шой Да. А как вы себе представляете свое новое положение в фирме?

Сун. Господствующим. Я думаю, например, о том, чтобы выбросить вас.

Шой Да. А если фирма вместо меня выбросит вас?

Сун. Тогда бы я, вероятно, возвратился, но не один.

Шой Да. А с кем?

Сун. С полицией.

Шой Да. С полицией. Допустим, что полиция здесь никого не найдет?

Сун. Она, вероятно, осмотрела бы ту комнату! Господин Шой Да, тоска по даме моего

сердца становится неутолимой. Я чувствую, что должен предпринять что-то, чтобы снова обрести возможность заключить ее в свои объятия. (Спокойно.) Она беременна и нуждается в том, чтобы возле нее был человек. Пойду поговорю с водоносом. (Уходит.)

Шой Да неподвижно смотрит ему вслед. Затем быстро уходит обратно в комнату. Принесит различные вещи Шен Де - белье, платья, туалетные принадлежности. Долго смотрит на шаль, которую Шен Де купила у торговцев коврами. Затем связывает все вместе в узел и, заслышав шаги, прячет под стол. Входят домовладелица и господин Шу Фу. Они приветствуют Шой Да, снимают галоши и

кладут зонтики.

Домовладелица. Наступает осень, господин Шой Да.

Господин Шу Фу. Грустное время года!

Домовладелица. А где ваш очаровательный доверенный? Ужасный сердцеед! Вы, наверно, не знаете его с этой стороны. Однако он отлично сочетает мужское обаяние со служебным долгом, что для вас только выгодно.

Шой Да (кланяется). Садитесь, пожалуйста.

Садятся и закуривают.

Друзья мои, непредвиденный случай, чреватый известными последствиями, заставляет меня ускорить переговоры, которые я недавно начал вести о будущем моего предприятия. Господин Шу Фу, моя фабрика в затруднительном положении.

Господин Шу Фу. Как всегда.

Шой Да. Но сейчас полиция открыто угрожает закрыть ее, если я не смогу сослаться на переговоры о новом объекте. Господин Шу Фу, речь идет о единственной собственности моей кухни, к которой вы всегда проявляли такой повышенный интерес.

Господин Шу Фу. Господин Шой Да, я крайне неохотно участвую в обсуждении ваших постоянно расширяющихся проектов. Я говорю о скромном ужине с вашей кухней, а вы намекаете на финансовые затруднения. Я предоставляю в распоряжение вашей кухни жилье для бездомных, а вы открываете там фабрику. Я передаю ей чек, вы предъявляете его. Ваша кухня исчезает, вы желаете получить сто тысяч серебряных долларов, давая понять при этом, что мои дома слишком для вас малы. Господин Шой Да, где ваша кухня?

Шой Да. Господин Шу Фу, успокойтесь. Могу вас обнадежить - она очень скоро вернется.

Господин Шу Фу. Скоро? Когда же? Я слышу от вас "скоро" уже несколько недель.

Шой Да. Я не требовал от вас новых подписей. Единственное, о чем я вас спросил, - заинтересуетесь ли вы моим проектом, если моя кухня возвратится.

Господин Шу Фу. Я вам говорил тысячу раз, что с вами мне больше нечего обсуждать, с вашей кухней же, напротив, я готов обсуждать все. Но у меня создалось впечатление, что вы намерены препятствовать такой беседе.

Шой Да. Больше не намерен.

Господин Шу Фу. Когда же она состоится?

Шой Да (неуверенно). Месяца через три.

Господин Шу Фу (сердито). Значит, месяца через три я дам свою подпись.

Шой Да. Однако нужно все подготовить.

Господин Шу Фу. Вы успеете все подготовить, Шой Да, если уверены, что ваша кухня на этот раз действительно приедет.

Шой Да. Госпожа Ми Дзю, согласны ли вы заверить полицию, что я получаю ваше фабричное помещение?

Домовладелица. Конечно, если вы уступите мне своего доверенного. Вот уже несколько недель, как вам известно мое условие. (Господину Шу Фу.) Это очень дельный молодой человек, а мне нужен управляющий.

Шой Да. Должны же вы понять, что именно сейчас я не могу обойтись без господина Ян Суна, при всех теперешних трудностях и при моем в последнее время столь пошатнувшемся здоровье! Я с самого начала был готов уступить вам его, но...

Домовладелица. Вот именно, но...

Пауза.

Шой Да. Хорошо, завтра он зайдет в вашу контору.

Господин Шу Фу. Приветствую такое решение, Шой Да. Если бы мадемуазель Шен Де действительно возвратилась, присутствие здесь молодого человека оказалось бы в высшей степени неуместным. Всем нам известно, какое пагубное влияние он имел на нее.

Шой Да (кланяясь). Несомненно. Простите мое продолжительное, недостойное делового человека колебание в обоих вопросах, касающихся моей кузины Шен Де и господина Ян Суна. Эти люди были близки когда-то.

Домовладелица. Мы вас извиняем.

Шой Да (глядя на дверь). Друзья мои, давайте придем теперь к окончательному решению. Вместо этой когда-то маленькой лавки, где бедняки нашего квартала покупали табак доброй Шен Де, мы, ее друзья, решаем открыть двенадцать больших магазинов, в которых будет продаваться хороший табак Шен Де. Я слышал, что народ называет меня табачным королем Сычуани. На самом деле я руководил этим предприятием исключительно в интересах моей кузины. Оно будет принадлежать ей, ее детям и детям ее детей.

С улицы доносится шум толпы. Входят Сун, Ван и полицейский.

Полицейский. Господин Шой Да, очень сожалею, но возбуждение среди жителей квартала вынуждает меня расследовать заявление, поступившее из вашей собственной фирмы, о том, что вы лишили свободы свою кузину Шен Де.

Шой Да. Это неправда.

Полицейский. Господин Ян Сун утверждает, что слышал рыдания из комнаты позади вашей конторы, которые могли исходить только от особы женского пола.

Домовладелица. Смешно. Я и господин Шу Фу, уважаемые граждане этого города, показания которых полиция едва ли может взять под сомнение, свидетельствуем, что здесь никто не рыдал. Мы спокойно курим свои сигары.

Полицейский. К сожалению, мне поручено осмотреть упомянутую комнату.

Шой Да открывает дверь.

(С поклоном переступает порог комнаты. Заглядывает внутрь, потом поворачивается и улыбается.) Там действительно никого нет.

Сун (подошедший к нему). Да, но я слышал плач! (Взгляд его падает на стол, под который Шой Да засунул узел. Подбегает к нему.) Этого раньше здесь не было! (Развязывает узел, показывает платья Шен Де и т. п.)

Ван. Это вещи Шен Де! (Бежит к двери и кричит.) Нашли ее платья!

Полицейский (берет вещи). Вы заявляете, что ваша кузина уехала. Под вашим столом обнаружен спрятанный узел с ее вещами. Где девушка, господин Шой Да?

Шой Да. Я не знаю ее адреса.

Полицейский. Очень жаль.

Возгласы толпы. Нашли вещи Шен Де! - Табачный король убил девушку и упрятал ее!

Полицейский. Господин Шой Да, я вынужден просить вас следовать за мной.

Шой Да (кланяется домовладелице и господину Шу Фу). Прошу прощения за этот скандал, господа. Но в Сычуани есть еще судьи. Я уверен, что все быстро разъяснится. (Выходит, за ним идет полицейский.)

Ван. Совершенно ужасное преступление!

Сун (потрясенный). Но я же слышал плач!

ИНТЕРМЕДИЯ

Ночлег Вана.

Музыка. В последний раз водоносу являются во сне боги. Они очень изменились. Ясно видны следы долгих странствий, глубокой усталости и многих тяжелых испытаний. У одного сбита с головы шляпа, другой попал ногой в капкан для

лисиц, все трое босы.

Ван. Наконец-то вы появились! Ужасные вещи происходят в табачной лавке Шен Де,

мудрейшие! Вот уже несколько месяцев, как она опять уехала. Все захватил двоюродный брат! Сегодня его арестовали. Говорят, он убил ее, чтобы завладеть лавкой. Но я этому не верю, потому что она явилась мне во сне и рассказала, что двоюродный брат держит ее в плену. О мудрейшие, вы должны тотчас же вернуться и отыскать Шен Де.

Первый бог. Это ужасно. Все наши поиски оказались впустую. Мало мы нашли добрых людей, а те, которых нашли, живут жизнью, недостойной человека. Мы решили держаться Шен Де.

Второй бог. Если она все еще осталась доброй!

Ван. Конечно, Шен Де добрая, но она исчезла!

Первый бог. Тогда все пропало.

Второй бог. Спокойствие.

Первый бог. К чему тут еще спокойствие? Если мы ее не найдем, мы должны будем подать в отставку. О, что за мир предстал нашим глазам - повсюду бедствия, низость, измена! Даже природа изменила нам. Прекрасные деревья обезглавлены проволокой, по ту сторону гор виднеются густые облака дыма, слышится гром пушек, и ни одного доброго человека, который способен устоять!

Третий бог. Ах, водонос, по-видимому, наши заповеди губительны! Боюсь, все правила нравственности, которые мы установили, должны быть вычеркнуты. У людей хватает забот, чтоб хотя бы спасти свою жизнь. Добрые намерения приводят их на край пропасти, а добрые дела сбрасывают их вниз. (Двум другим богам.) Мир не приспособлен для жизни, вы должны это признать!

Первый бог (горячо). Нет, люди ничего не стоят!

Третий бог. Потому что мир слишком холоден!

Второй бог. Потому что люди слишком слабы!

Первый бог. Побольше достоинства, дорогие, побольше достоинства! Нельзя отчаиваться, братья. Мы все же нашли одного, который был добрым и не стал злым. Он только исчез. Поспешим найти его. Одного достаточно. Разве мы не говорили, что все еще может наладиться, если найдется хотя бы один, который выдержит эту жизнь, хотя бы один?!

Боги быстро исчезают.

Х

Зал суда.

Группы: господин Шу Фу и домовладелица. Сун и его мать. Ван, столяр, дедушка, молодая проститутка, старик и его жена. Шин. Полицейский. Невестка.

Старик. Его власть слишком велика.

Ван. Он открывает двенадцать новых лавок.

Столяр. Как может судья вынести справедливый приговор, если друзья подсудимого, цирюльник Шу Фу и домовладелица Ми Дзю, друзья судьи?

Невестка. Люди видели, как вчера вечером Шин по поручению господина Шой Да принесла на кухню судьи жирного гуся. Жир протекал сквозь корзину.

Старуха (Вану). Нашу бедняжку Шен Де никогда больше не найдут.

Ван. Да, только боги могут открыть истину.

Полицейский. Тише! Суд идет.

Входят три бога в судейских тогах. Пока они идут вдоль ramпы к своим местам, слышно, как они шепчутся.

Третий бог. Все выйдет наружу. Документы очень плохо подделаны.

Второй бог. И людям покажется подозрительным, что у судьи внезапно расстроился желудок.

Первый бог. Нет, это естественно, ведь он съел полгуся.

Шин. Новые судьи!

Ван. И очень хорошие!

Третий бог, идущий последним, слышит его слова, оборачивается и улыбается ему. Боги садятся. Первый бог ударяет молоточком по столу. Полицейский

вводит Шой Да. Его встречают свистками, но он держится надменно.

Полицейский. Приготовьтесь к неожиданности. Это не судья Фу И-чен. Однако новые судьи, по-видимому, тоже очень снисходительны.

Увидев богов, Шой Да падает в обморок.

Молодая проститутка. Что такое? Табачный король упал в обморок.

Невестка. Да, при виде новых судей!

Ван. Выходит, он знает их! Странно!

Первый бог (открывает заседание). Вы крупный торговец табаком Шой Да?

Шой Да (очень слабым голосом). Да.

Первый бог. Поступила жалоба, что вы устроили свою кузину, мадемуазель Шен Де, чтобы завладеть ее лавкой. Признаете ли вы себя виновным?

Шой Да. Нет.

Первый бог (перелистывая дело). Заслушаем прежде всего показания полицейского того квартала относительно репутации обвиняемого и репутации его кузины.

Полицейский (выходит вперед). Мадемуазель Шен Де охотно угождала всем людям. Как говорится, жила и давала жить другим. Господин Шой Да, напротив, человек с принципами. Добросердечие кузины иногда вынуждало его прибегать к суровым мерам. Однако, в противоположность девушке, он всегда придерживался закона, ваша милость. Он разоблачил людей, которым его кузина доверчиво предоставила убежище, как воровскую шайку, а в другом случае в последний момент удержал Шен Де от лжесвидетельства. Господин Шой Да известен мне как почтенный и почитающий законы гражданин.

Первый бог. Есть ли тут и другие люди, которые готовы свидетельствовать, что обвиняемый не мог совершить преступление, которое ему приписывают?

Выходят вперед господин Шу Фу и домовладелица.

Полицейский (шепчет богам). Господин Шу Фу, очень влиятельный господин!

Господин Шу Фу. Господин Шой Да считается в городе уважаемым дельцом. Он второй председатель торговой палаты; в квартале, где он живет, его собираются выдвинуть на должность мирового судьи.

Ван (кричит). Вы собираетесь! Вы обделываете с ним дела.

Полицейский (шепотом). Злонамеренный субъект!

Домовладелица. Как председательница попечительского общества я хотела бы довести до сведения суда, что господин Шой Да не только намеревается подарить множеству рабочих своей табачной фабрики самые лучшие помещения, светлые и просторные, но постоянно делал пожертвования приюту для инвалидов.

Полицейский (шепчет). Госпожа Ми Дзю, близкая приятельница судьи Фу И-чена!

Первый бог. Да, да, но теперь мы должны также заслушать, не скажет ли кто-нибудь что-либо менее похвальное об обвиняемом.

Выходят вперед Ван, столяр, пожилая чета, безработный, невестка, молодая проститутка.

Полицейский. Подонки квартала. Первый бог. Что вам известно о поведении Шой Да?

Возгласы. Он разорил нас!

- Он вымогал у меня!

- Сманивал на дурные дела!

- Эксплуатировал беспомощных!

- Лгал!

- Обманывал!

- Убивал!

Первый бог. Обвиняемый, что вы можете на это ответить?

Шой Да. Я ничего не сделал, кроме того, что спас от разорения мою кузину, ваша милость. Я приезжал только тогда, когда появлялась опасность, что она может потерять свою маленькую лавку. Мне пришлось приезжать трижды. И ни разу я не собирался оставаться здесь. Обстоятельства сложились так, что в последний раз я задержался. Все это время я был

погружен в заботы. Моя кухня была любима здесь, а мне пришлось выполнять черную работу. Поэтому меня ненавидят.

Невестка. И поделом! Возьмите хотя бы нашего мальчика, ваша милость. (Шой Да.) Я не стану уже говорить о мешках.

Шой Да. Почему бы нет? Почему бы нет?

Невестка (богам). Шен Де дала нам пристанище, а он велел арестовать нас.

Шой Да. Вы воровали пироги!

Невестка. Можно подумать, что он заботился о булочнике! Он хотел захватить лавку.

Шой Да. Лавка не ночлежка. Вы думали только о себе!

Невестка. Нам некуда было деваться!

Шой Да. Вас было слишком много!

Ван. А эти? (Указывает на обоих стариков.) Они тоже думали только о себе?

Старик. Мы вложили наши сбережения в лавку Шен Де. Почему ты лишил нас нашей лавки?

Шой Да. Потому что моя кухня хотела помочь летать одному летчику. Я должен был раздобыть деньги!

Ван. Этого, может быть, хотела она, ты же искал выгоды! Одной лавки тебе было мало.

Шой Да. Плата за помещение оказалась слишком высокой!

Шин. Это я могу подтвердить.

Шой Да. А моя кухня ничего не смыслила в делах.

Шин. И это я могу подтвердить! Не говоря уже о том, что она была влюблена в летчика.

Шой Да. Разве она не имела права любить?

Ван. Конечно! Но ты заставлял ее выйти замуж за нелюбимого человека, за этого цирюльника!

Шой Да. Человек, которого она любила, оказался подлецом.

Ван. Этот? (Показывает на Суна.)

Сун (вскакивает). И потому, что он подлец, ты взял его в свою контору!

Шой Да. Чтоб исправить тебя! Чтоб исправить тебя!

Невестка. Чтоб сделать его понукальщиком!

Ван. А когда он исправился, разве ты не продал его вот этой? (Указывает на домовладелицу.) Она повсюду раструбила об этом!

Шой Да. Она только тогда соглашалась дать мне помещение, когда он гладил ее колени!

Домовладелица (оскорбленная). Ложь! Не смейте говорить мне о помещении! Никаких дел с вами, - убийца!

Сун (решительно). Ваша милость, я должен сказать кое-что в его пользу.

Невестка. Разумеется, должен. Ведь ты служишь у него.

Безработный. Такого свирепого понукальщика я еще не видывал. Он совсем осатанел.

Сун. Ваша милость, что бы там обвиняемый ни сделал из меня, он не убийца. За несколько минут до его ареста я слышал голос Шен Де из комнаты позади лавки.

Первый бог (быстро). Значит, она жива? Скажи нам точно, что ты слышал!

Сун (торжествующе). Плач, ваша милость, плач!

Третий бог. И ты ее узнал?

Сун. Безусловно. Разве я мог не узнать ее голос?

Господин Шу Фу. Да, ты достаточно часто заставлял ее плакать.

Сун. И все-таки я сделал ее счастливой. Но потом он (указывая на Шой Да) решил продать ее тебе.

Шой Да (Суну). Потому что ты ее не любил!

Ван. Нет, не потому. Ради денег!

Шой Да. Но для чего были нужны деньги? (Суну.) Ты требовал, чтобы она пожертвовала всеми своими друзьями, а цирюльник предложил свои дома и деньги, чтобы

помочь беднякам. И для того, чтобы она могла делать добро, я должен был устроить ее помолвку с цирюльником.

Ван. Почему же ты не допустил ее делать добро, когда был подписан крупный чек? Почему ты послал друзей Шен Де в грязные парильни твоей фабрики, табачный король?

Шой Да. Это было сделано ради ребенка!

Столяр. А мои дети? Что ты сделал с моими детьми?

Шой Да молчит.

Ван. Теперь ты молчишь. Боги дали Шен Де лавку, как маленький источник добра. И она всегда старалась делать добро, а затем приходил ты и все уничтожал.

Шой Да (вне себя). Потому что иначе источник иссяк бы, дурак.

Шин. Это верно, ваша милость!

Ван. Что пользы в источнике, если из него нельзя черпать?

Шой Да. Добрые дела приносят разорение!

Ван (яростно). А злые дела приносят благополучие, да? Что ты сделал с доброй Шен Де, злой ты человек? Много ли добрых людей можно еще найти, мудрейшие? А она была добрая! Когда вон тот сломал мне руку, она обещала быть моим свидетелем. А сейчас я свидетельствую в ее пользу. Она была добрая, клянусь в этом. (Поднимает руку для присяги.)

Третий бог. Что у тебя с рукой, водонос? Она не сгибается.

Ван (показывает на Шой Да). И в этом виноват он, только он. Она хотела дать мне денег на лечение, но пришел он. Ты был ее смертельным врагом!

Шой Да. Я был ее единственным другом!

Все. Где она?

Шой Да. Уехала.

Ван. Куда?

Шой Да. Не скажу!

Все. Но почему она должна была уехать?

Шой Да (кричит). Потому что иначе вы бы ее растерзали!

Внезапно наступает тишина.

(Падает на стул.) Я больше не могу. Я хочу все открыть. Пусть очистят зал и останутся одни судьи, и я скажу.

Все. Он сознается! Он уличен!

Первый бог (ударяет молоточком по столу). Очистить зал!

Полицейский очищает зал.

Шин (смеется, уходя). Вот удивятся!

Шой Да. Ушли? Все? Я не могу больше молчать. Я узнал вас, мудрейшие!

Второй бог. Что ты сделал с нашим добрым человеком из Сычуани?

Шой Да. Позвольте же мне сознаться в ужасающей правде, ваш добрый человек - я! (Снимает маску и срывает одежду. Перед судом стоит Шен Де.)

Второй бог. Шен Де!

Шен Де. Да, это я. Шой Да и Шен Де - они оба - это я.

Ваш единоклассный приказ

Быть хорошей и, однако, жить,

Как молния, рассек меня на две половины.

Не знаю почему, но я не могла

Быть одновременно доброй к себе и другим.

Помогать и себе и другим было слишком трудно.

Ах, ваш мир жесток! Слишком много нужды.

Слишком много отчаяния!

Протягиваешь руку бедняку, а он вырывает ее!

Помогаешь пропащему человеку - и пропадаешь сам!

Кто не ест мяса - умирает. Как же я могла не стать злой.

Откуда мне было взять все, что надо?

Только из самой себя.

А это значило - погибнуть.

Груз добрых намерений вгонял меня в землю,

Зато, когда я совершала несправедливость,

Я ела хорошее мясо и становилась сильной.

Наверно, есть какая-то фальшь в вашем мире.

Почему Зло в цене, а Добро в опале?

Ах, мне так хотелось счастья,

И к тому же было во мне тайное знание,

Так как моя приемная мать купала меня в канаве.

От этого у меня зрение стало острее,

Но состраданье терзало меня.

Я видела нищету, и волчий гнев охватывал меня,

И я чувствовала, что преображаюсь,

Рот мой превращался в пасть,

А слова во рту были как зола.

И все же я охотно стала бы ангелом предместий.

Дарить - было моим наслаждением.

Я видела счастливое лицо - и чувствовала себя на седьмом небе.

Проклинайте меня:

Но должна сказать вам

Все преступления я совершила,

Помогая своим соседям,

Любя своего любимого

И спасая от нужды своего сыночка.

Я - маленький человек и была слишком мала

Для ваших великих планов, боги.

Первый бог (видно, что он охвачен ужасом). Замолчи, несчастная! Каково нам это слушать, ведь мы так рады, что нашли тебя!

Шен Де. Но должна же я сказать вам, что я и есть тот злой человек, о преступлениях которого вам здесь стало известно.

Первый бог. Тот добрый человек, о котором все говорили только доброе!

Шен Де. Нет, также и злой!

Первый бог. Это недоразумение! Несколько несчастных случаев. Какие-то соседи, лишенные сердца! Просто перестарались!

Второй бог. Но как же ей жить дальше?

Первый бог. Она будет жить! Она сильная и крепкая и может вынести многое.

Второй бог. Но разве ты не слышал, что она сказала?

Первый бог (горячо). Путано, все очень путано! Невероятно, очень невероятно! Неужели нам признать, что наши заповеди убийственны? Неужели нам отказаться от них? (Упрямо.) Нет, никогда! Признать, что мир должен быть изменен? Как? Кем? Нет, все в порядке. (Быстро ударяет молоточком по столу.)

И вот по его знаку раздается музыка.

Вспыхивает розовый свет.

Пора нам возвратиться. Мы очень привязались

К этому миру. Его радости и печали

То ободряли, то огорчали нас.

И все же там, над звездами, с радостью

Мы вспомним о тебе, Шен Де!
О добром человеке, не забывшем наши заветы
Здесь, внизу,
Несущем светильник сквозь холодную тьму.
Прощай, будь счастлива!

По его знаку раскрывается потолок. Опускается розовое облако. Боги очень медленно поднимаются на нем вверх.

Шен Де. О, не уходите, мудрейшие! Не покидайте меня! Как мне смотреть в глаза добрым старикам, потерявшим свою лавку, и водоносу с искалеченной рукой? Как защитить себя от цирюльника, которого я не люблю, и от Суна, которого люблю? И чрево мое благословенно, скоро появится на свет мой маленький сын и захочет есть. Я не могу остаться здесь! (Как затравленная, смотрит на дверь, в которую войдут ее мучители.)

Первый бог. Сможешь. Старайся быть доброй, и все будет хорошо!

Входят свидетели. Они с удивлением видят плывущих на розовом облаке судей.

Ван. Боги явились нам! Окажите им почет! Три высших бога пришли в Сычуань, чтобы найти доброго человека. Они нашли его, но...

Первый бог. Никаких "но"! Вот он!

Все. Шен Де!

Первый бог. Она не погибла, она была только спрятана. Среди вас остается добрый человек!

Шен Де. Но мне нужен двоюродный брат!

Первый бог. Только не слишком часто!

Шен Де. Хотя бы раз в неделю!

Первый бог. Достаточно раз в месяц!

Шен Де. О, не удаляйтесь, мудрейшие! Я еще не все сказала! Вы мне так нужны!

Боги (поют).

ТЕРЦЕТ ИСЧЕЗАЮЩИХ НА ОБЛАКЕ БОГОВ

Мы не можем, к сожаленью,
Оставаться больше здесь,
Быстролетное мгновение
Вот и срок земной наш весь.
Чтобы женщины чудесной,
Как виденье, не вспугнуть,
Мы - бесплотны, вы - телесны,
И у нас особый путь.
На земле вас покидаем,
В никуда мы улетаем.

Шен Де. Помогите!

Боги.

Мы поиски на этом завершаем

И в небеса немедля улетаем.

Так славься же отныне и вовек,

Из Сычуани добрый человек!

Между тем как Шен Де в отчаянии простирает к ним руки, они, улыбаясь и кивая, исчезают вверху.

ЭПИЛОГ

Перед занавесом появляется актер и, обращаясь к публике, произносит заключительный монолог.

Актер.

О публика почтенная моя!

Конец - неважный. Это знаю я.

В руках у нас прекраснейшая сказка

Вдруг получила горькую развязку.
Опущен занавес, а мы стоим в смущенье
Не обрели вопросы разрешенья.
От вас вполне зависим мы притом:
За развлеченьем вы пришли в наш дом.
Провал нас ждет - без вашей похвалы!
Так в чем же дело? Что мы - не смелы?
Трусливы? Иль в искусстве ищем выгод?
Ведь должен быть какой-то верный выход?
За деньги не придумаешь - какой!
Другой герой? А если мир - другой?
А может, здесь нужны другие боги?
Иль вовсе без богов?
Молчу в тревоге.
Так помогите нам! Беду поправьте
И мысль и разум свой сюда направьте.
Попробуйте для доброго найти
К хорошему - хорошие пути.
Плохой конец - заранее отброшен.
Он должен,
должен,
должен быть хорошим!

КОММЕНТАРИИ

Переводы пьес сделаны по изданию: Bertolt Brecht, Stucke, Bande I-XII, Berlin, Auibau-Verlag, 1955-1959.

Статьи и стихи о театре даются в основном по изданию: Bertolt Brecht. Schriften zum Theater, Berlin u. Frankfurt a/M, Suhrkamp Verlag, 1957.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ СЫЧУАНИ

(Der gute Mensch von Sezuan)

На русский язык пьеса была переведена Е. Ионовой и Ю. Юзовским (стихи в переводе Бориса Слуцкого) и впервые напечатана в журнале "Иностранная литература", 1957, Э 2.

Над пьесой-параболой о добром человеке Б. Брехт работал в общей сложности на протяжении двенадцати лет. Первоначальный замысел относится к 1930 г. - в то время пьеса должна была называться "Товар любовь" ("Die Ware Liebe" - по-немецки это сочетание носит двусмысленный характер, оно может быть понято на слух и как "Истинная любовь"). В 1939 г. в Дании Брехт вернулся к старому наброску, содержавшему пять сцен. В мае 1939 г. в Лидинге (Швеция) был закончен первый вариант. Два месяца спустя, в июле, Брехт начал переделывать первую сцену, - последовала коренная переработка текста всей пьесы. Через год драматург вернулся к ней, надеясь завершить работу в апреле 1940 г. Но 11 июня он записал в дневнике: "В который раз я вместе с Гретой слово за слово - пересматриваю текст "Доброго человека из Сычуани". В августе Брехт начинает сомневаться в центральной пружине своей драмы: достаточно ли ясно он показал, "как легко девушке быть доброй, и как ей трудно - быть злой". Еще полгода спустя были написаны последние стихи, вошедшие в текст пьесы: "Песня о дыме", "Песня о восьмом слоне", "Терцет богов, улетающих на облаке". И все-таки Брехт не считал работу завершенной. "Нельзя быть уверенным, что пьеса готова, пока ее не испробуешь на театре", - замечал он. Наконец, в апреле 1941 г. Брехт, уже в Финляндии, констатировал, что пьеса завершена.

По словам Брехта, толчок к написанию пьесы он получил, прочитав заметку в газете.

В основном Брехт сохранил первоначально задуманный сюжет, но объективировал рассказ водоноса, превратив его объяснения в сказочное драматическое действие. Таким образом, пьеса первоначально задуманная как бытовая драма, приобрела форму драматической легенды, фантастической пьесы-параболы. Анекдотическое происшествие в

Сычуани Брехт драматургически обработал, представив его как бы с точки зрения водоноса Вана. Для правильного восприятия параболы зритель должен усвоить эту наивно-поэтическую точку зрения.

Первая постановка состоялась 4 февраля 1943 г. в Цюрихе (Швейцария). Режиссер - Леонгард Штеккель, художник - Тео Отто. Некоторое время спустя пьесу поставил другой швейцарский театр в Базеле, премьера 10 марта 1944 г. Режиссер - Леонгард Штеккель, художник - Эдуард Гунцингер, композитор - Фрю. Роль Шен Де исполняла Фридль Вальд. Только через восемь с лишним лет спектаклем во Франкфурте-на-Майне началась история немецкого "Доброго человека" (премьера 16 ноября 1952 г.). Спектакль был поставлен режиссером Гарри Буквицей как драматическая сказка, художник - тот же Тео Отто, который участвовал в создании цюрихского спектакля. Отто установил на подмостках несколько высоких красных шестов, по которым скользили плетеные квадратные циновки, они ограничивали разнообразные сценические площадки. В роли Шен Де с успехом выступила Сольвейг Томас, Вана играл Отто Роувель, Ян Суна - Арно Ассман, цирюльника - Эрнствальтер Митульски. Театральная критика, отмечая художественную целостность спектакля и своеобразную трактовку ряда ролей, в частности Вана-философа и зловеще-комического цирюльника, признала франкфуртский спектакль одним из значительнейших театральных событий за послевоенные годы.

Наиболее известны спектакли других театров Западной Германии:

Вупперталь, 1955 г. Режиссер - Франц Рейхерт, художник - Ганна Йордан. В ролях: Шен Де - Зигрид Маркард, Вана - Хорст Тапперт. Боги и цирюльник в этом спектакле были в масках.

Шлезвиг, 1955 г. - спектакль, патронируемый, как ни странно, Евангелической академией. Режиссер - Хорст Гнеков, художник - Рудольф Сойка. В роли Шен Де - Ильзелоре Мене.

Ганновер, 1955 г. Режиссер - Курт Эрхардт, художник - Эрнст Руфер. В роли Шен Де - Марилена фон Бетман. В последнем спектакле критика отмечала известную эклектичность оформления (сочетание условной бамбуковой панорамы с натуралистической водосточной трубой, где спит водонос Ван) и небрехтовскую игру Бетман, которая так естественно проникалась ласковой добротой Шен Де, что не могла перейти к суровости двоюродного брата.

Событием в театральной жизни Германии явилась нашумевшая постановка "Доброго человека" в мюнхенском театре "Каммершпиле", премьера состоялась 30 июня 1955 г. Режиссер спектакля - Ганс Швейкарт (критик В. Кияулейн зло писал в "Мюнхенер Меркур", что Швейкарт был так растроган происходившим на сцене, что порой забывал двигать действие дальше), художники - Каспар Неер, в оформлении которого сочетались лиризм и обнаженная условность (в глубине сцены - крыши домов, над которыми плавали стилизованные облака, - и несущее богов облако, спускавшееся с колосников на открытых зрителю толстых канатах), и Лизелотта Эрлер (костюмы). Роль Шен Де исполняла Эрни Вильгельми, Ян Суна - Арно Ассман (игравший ту же роль во Франкфурте), матери Ян Суна - известная актриса Тереза Ризе, одна из лучших исполнительница роли мамы Кураж, Вана - в то время уже семидесятилетний Пауль Бильдт (это была одна из последних и лучших ролей крупного немецкого актера, умершего в 1957 г.). Постановку консультировал Брехт (см. сообщение газеты "Abendzeitung" от 3 апреля 1955 г.), прибывший в Мюнхен вместе с Еленой Вайгель. В прессе вокруг спектакля вспыхнула полемика: "Munchener Merkur" осуждала "агитационный" характер брехтовской драматургии и постановки "Каммершпиле", другие газеты опровергали эту предвзятую точку зрения, отмечали высокую поэтичность пьесы-параболы, проникновенную игру Эрни Вильгельми ("Frankfurter Allgemeine", 5 июня) и работу режиссера и художника ("Bayrisches Volksecho", 8 июля).

Первой постановкой в ГДР был спектакль "Фолькстеатра" в г. Ростоке (апрель 1956 г.), поставленный учеником Брехта Бенно Бессоном в аскетическом оформлении Вилли Шредера, с участием Кете Рейхель в роли Шен Де. Критика отмечала, что в качестве Шой Да

она была несколько гротескна, напоминала Чаплина, но девушку играла с потрясающей сердечностью ("Deutsche Kommentare", Штутгарт, 1956, 26 мая). Успех ее объясняли не только тем, что она прошла брехтовскую школу актерского искусства, но и глубоким лиризмом исполнения ("Nazionalzeitung", Базель, 8 июня). "Берлинский ансамбль" поставил "Доброго человека" уже после смерти Брехта. Режиссер - Бенно Бессон, художник - Карл фон Аппен, с участием той же Кете Рейхель. В этом спектакле (премьера 5 сентября 1957 г.) была подчеркнута социальная сущность драмы - так, в картине табачной фабрики вся сцена была забрана высокой тюремной решеткой. Спектакль в Лейпциге (1957-1958 гг., режиссер - Артур Йопп, художник - Бернгард Шредер, в роли Шен Де - Гизела Морген) был выдержан в стиле условного театра и пользовался значительным успехом. С 1956 по 1962 г. пьеса была поставлена в десяти театрах ГДР.

Большую сценическую историю "Добрый человек" имеет и за пределами Германии. Еще за три года до франкфуртской постановки состоялся спектакль, поставленный американскими студентами "Кернеджи колледж оф файн артс" в Питсбурге (1949 г., перевод Э. Бентлея, режиссер - Лоуренс Карра). За ним последовали студенческие постановки в университетах Миннесоты и Иллинойса. Большую известность приобрел нью-йоркский спектакль в театре "Феникс" (1957 г., художник - Тео Отто) с Утой Гаген в главной роли (по отзыву критика, она "уловила плакатный характер роли и только после исчезновения богов дала волю чувствам"). В декорациях того же Тео Отто пьеса шла в Лондоне в 1956 г. Режиссер - Джордж Девайн. В роли Шен Де - Пегги Ашкрофт. Блестящим - по единодушной оценке прогрессивной критики - был спектакль миланского "Пикколо Театро". Премьера в феврале 1958 г. Режиссер - знаменитый Джордже Штрелер, художник - Лучиано Домиани. Исполнительница главной роли - Валентина Фортуната, в роли Вана - Моретти. В этом спектакле сцена была почти совсем пустой, лишь некоторые намеки на дом или дерево заменяли декорации, и боги, спускавшиеся на облаке, были разодеты в яркие шелковые одежды, как театральные генералы, с длинными белыми бородами (см. рецензию Г. Зингера в "Frankfurter Allgemeine" от 28 февраля 1958 г.).

Во Франции "Добрый человек" был впервые показан гастролировавшим в Париже театром "Хакамери" из Тель-Авива (Израиль) на языке иврит (1957-1958). Позднее, в 1960 г., в Париже пьесу поставил Национальный Народный театр (ТИП). Премьера состоялась в декабре. Перевод Женевьевы Серро и Жанны Стерн.

Режиссер - Андре Штейгер под руководством Жана Вилара, художник - Андре Аккар. Исполнители - Мишель Надаль (Шен Де) Морис Гарель (Ян Сун), Жиль Леже (Ван), Этот спектакль стал рубежом в истории одного из лучших театров Франции. В программе, выпущенной театром, каждая сцена сопровождалась моралью. Например, к сцене VIII: "Почему не возвыситься над другими, если они гнут спину?" или к сцене X, последней: "Если мир несправедлив, единственное, что справедливо - это изменить его". Пресса единодушно отмечала значительность пьесы и спектакля. Критик газеты "Lettres francaises" от 1 декабря 1960 г. писал: "...Андре Штейгер со всем возможным тщанием выявил для зрителя истинный смысл пьесы и сумел найти средства выражения, максимально близкие к тем, которые Брехт считал лучшими для исполнения его драматургии. Штейгер сделал это с глубоким пониманием, стремясь не копировать, не подражать, не механически применять готовые рецепты, но найти самый дух брехтовской эстетики". Жан-Альбер Картье в "Beaux-Arts" от 20 января 1961 г. писал: "Андре Аккар выдержал декорации и костюмы в замечательной коричневой гамме. В успехе спектакля его доля велика".

В качестве одного из последних ярких сценических воплощений "Доброго человека" следует назвать спектакль, поставленный на сцене Института изучения театрального искусства при Нью-Йоркском университете (премьера-10 марта 1963 г.) под руководством Герта Веймана, бывшего прежде ассистентом таких мастеров немецкого театра, как Г. Грюндгенс и Б. Барлог. В ролях с успехом выступили: Шен Де - Диана Барт и Натали Росс, Вана - Дэвид Фрэнк и Эрик Таварес, Ян Суна - Билл Бергер и Фрэнк Савино.

В странах народной демократии (Будапешт, Варшава, Белград, Люблян) пьесу "Добрый

человек" играли многочисленные театральные коллективы.

Наиболее значительной из советских постановок "Доброго человека" был спектакль Ленинградского академического театра им. Пушкина. Премьера - июнь 1962 г., русский текст Ю. Юзовского и Е. Ионовой, стихи в переводе Е. Эткинда. Режиссер - Р. Суслэвич, художница - С. Юнович. Роль Шен Де исполняла Н. Мамаева, которая, по единодушному мнению рецензентов, нашла точный, лаконичный рисунок своей роли и с большой естественностью переходила от доброй Шен Де к жестокому Шой Да. Н. Песочинская в статье "Два человека из Сычуани" отмечала: "Все сценическое поведение Н. Мамаевой построено на том, что актриса последовательно ставит перед зрителем вопрос за вопросом, заставляя глубоко раздумывать над их решением... Поражает великолепная пластика, точный и экономный отбор сценических средств. Детали в игре Мамаевой (и тогда, когда перед нами ласковая Шен Де, и когда решительный и наглый Шой Да) нигде не заслоняют типического, главного. Чувство жизненной правды нигде не изменяет артистке" ("Ленинградская правда", 1962, 21 августа). Режиссер и актриса нашли интересное решение для исполнения песен. Успехом пользовались также артисты Г. Колосов (Шу Фу), Е. Карякина (домовладелица Ми Дзю), В. Таренков (Ван), А. Волгин (Ян Сун), Е. Медведева (госпожа Ян Сун), В. Ковель (вдова Шин), В. Янцат, К. Адашевский, Г. Соловьев (боги), Ю. Свирин (столяр Лин То),

Работа режиссера и художника была отмечена как достижение советской театральной культуры. "В спектакле "Добрый человек из Сычуани", - писала Р. Беньяш, - есть своя последовательность и цельность. Она особенно проявилась в облике спектакля. Талантливые декорации С. Юнович радуют органическим соответствием природе произведения и строгим благородством замысла. На сцене ничего лишнего. Рогожи и простые неструганые доски. Экономный, но точный по настроению цвет. Одинокое голое дерево, обрывок облака на приглушенном фоне. Безошибочно выверенная симметрия, создающая ощущение непредвзятой правды. И вот на сцене возникает до странности необжитый, недобрый мир, где человек, жаждущий делать добро, вынужден покупать это право содеянным злом. Один из самых трагических парадоксов Брехта" ("Известия", 1962, 3 октября).

В Академическом театре русской драмы Латвийской ССР им. Яна Райниса (Рига) "Добрый человек" был поставлен режиссером П. Петерсоном в 1960 г. Отмечая ряд достоинств спектакля, критики указывали на стремление его авторов к внешним эффектам, противопоставленным Брехту. Не по-брехтовски здесь трактовались и "сонги": "...исполнитель роли жениха вкладывал в песню чувство отчаявшегося, все потерявшего человека. Он сжимал кулаки, вращал зрачками, бросался на землю, его стоны шли из самой глубины души, он как бы требовал, чтобы зрители сочувствовали ему, ибо ему не удалось ограбить Шен Де и ее благодетелей. Все это - резкое расхождение с Брехтом..." (А. Лацис, Б. Райх, Советский театр и наследие Брехта. - "Литература и жизнь", 1960, 25 сентября).

В 1963 г. пьеса была поставлена в Москве театральным училищем им. Б. В. Шукина. Режиссер - Ю. Любимов. Спектакль пользуется большим успехом. В нем соединилось вдумчивое и уважительное отношение к сценическим принципам Брехта с вахтанговской традицией яркой полуимпровизационной зрелищности. Правда, в отдельных случаях - например, в трактовке роли цирюльника Шу Фу эта зрелищность сказывалась во внешних эффектах, не соотносенных с концепцией спектакля в целом.

Константин Симонов в статье "Вдохновение юности" ("Правда", 1963, 8 декабря) писал: "...молодой коллектив выпускников театрального училища под руководством ставившего этот спектакль Юрия Любимова создал спектакль высокий, поэтический, талантливый по актерскому исполнению и великолепно ритмичный, сделанный в этом смысле в лучших традициях вахтанговцев".

Е. Эткинд